

Исагогическіе вопросы облѣдованы довольно полно, хотя здѣсь автору не достаетъ самостоятельности: по мѣстамъ онъ рабски слѣдуетъ своимъ предшественникамъ. Изложение содержанія дано полное и обстоятельное, и противъ принятой авторомъ схемы возраженій можно не дѣлать. Необходимо поставить автору на видъ то, что онъ совершенно игнорируетъ славянскій текстъ, который во многихъ случаяхъ требуетъ поясненій; таковы, напр., выраженія слѣдующихъ стиховъ: 2, 2; 4, 26; 6, 31; 8, 6; 10, 33; 18, 6; 22, 19; 23, 6 и мн. др.

Что касается обширнаго перечня пособій, то въ цемъ мы встрѣчаемъ и названія такихъ сочиненій, изъ которыхъ заимствовались только случайныя справки и которыя имѣютъ весьма отдаленное отношеніе къ темѣ автора.

Пріятное впечатлѣніе на рецензента производитъ то обстоятельство, что авторъ, очевидно, не забылъ пріобрѣтенныхъ имъ три года назадъ познаній въ еврейскомъ языкѣ.

Итакъ, рецензируемое сочиненіе не блещетъ достоинствами. Но принимая во вниманіе, что авторъ использовалъ всю существующую на русскомъ языкѣ литературу, изрѣдка обращаясь и къ пособиямъ на иностранныхъ языкахъ; что онъ обстоятельно изучилъ содержаніе обширной книги премудраго сына Сирахова и изложилъ его ученіе въ стройной системѣ; можно безъ колебанія признать сочиненіе вполне удовлетворительнымъ для искомой степени“.

б) И. д. доцента іеромонаха Варооломея (Ремова):

„Внѣшній видъ сочиненія о. Вышеславова производитъ довольно благопріятное впечатлѣніе обстоятельнаго изслѣдованія. Предъ сочиненіемъ тянется длинный списокъ пособій, а самая цитация очень обильна и точна. Такого умѣнья цитировать не найдешь и въ хорошихъ студенческихъ работахъ. Правда, цитируя очень часто въ первомъ (исагогическомъ) отдѣлѣ своей работы Мign`я, авторъ постоянно и упорно отмѣчаетъ у него р. (страницы), которыхъ тамъ нѣтъ (есть col.), но въ общемъ все-таки способъ цитации о. Вышеславова удовлетворяетъ рецензента. Но при чтеніи сочиненія рецензенту бросилась въ глаза одна особенность въ этой длинной вереницѣ цитатъ. Цитаты на солидные западные груды по изслѣдованію внѣшней и идейной стороны Еккле-

зіастика встрѣчаются у автора довольно рѣдко, стоятъ какъ-то обособленно и въ то же время онѣ слѣдуютъ по какому-то плану, чередуясь съ цѣлымъ рядомъ русскихъ цитатъ— въ морѣ цитатъ на русскія пособія. Эти послѣднія цитаты, видно, болѣе доступны о. Вышеслаову, и вотъ на основаніи наблюденія надъ цитатами можно высказать такое утверженіе. О. Вышеслаовъ гораздо болѣе пользуется пособиями невысокой научной цѣнности и при томъ имѣющими самое отдаленное отношеніе къ изучаемой имъ книгѣ потому только, что они написаны на доступномъ ему русскомъ языкѣ. Цитатъ же на иностранныя пособія, хотя бы и очень полезныя и цѣнныя для автора, у него почти нѣтъ, а какія есть, случайны и не являются результатомъ изученія цитируемыхъ книгъ.

Все-таки очень жаль, что въ работѣ о. Вышеслаова мы наталкиваемся чисто внѣшнимъ путемъ на этотъ непріятный внутренній дефектъ ея. Авторъ связанъ недостаточнымъ знаніемъ ни одного иностраннаго языка. А вѣдь работать онъ можетъ; чтеніе его сочиненія насъ утверждало въ этой мысли. Особенно вторая часть сочиненія, при всей своей незаконченности, обличаетъ въ авторѣ умѣнье синтезировать обширный и разнообразный идеологическій матеріаль. Конечно, схема, по которой авторъ конструируетъ свое систематическое „изложеніе содержанія“—слишкомъ внѣшняя и притомъ шаблонна, трафаретна, и лучше если бы авторъ велъ свое изложеніе, руководясь идеей самой книги, изъ нея самой почерпая данныя для выработки плана своей систематизаціи. Но вѣдь авторъ, кажется, не претендуетъ на оригинальность своего труда, и это его въ нѣкоторой степени извиняетъ.

Сочиненію о. Вышеслаова, дагѣе, не чужды общіе недостатки, которые обычно отмѣчаются въ сочиненіяхъ начинающихъ научно работать писателей. О. Вышеслаовъ необдуманно высказываетъ иногда рѣшительныя сужденія и дѣлаетъ неосновательныя заключенія. Для большей убѣдительности своего изложенія онъ любитъ употреблять сильныя выраженія вродѣ—*рѣшительно, несомнѣнно, диаметрально противоположно*. Съ другой стороны, о. Вышеслаовъ нечуждъ искушенія поэтическимъ слогомъ, какъ напр. „звучать аккорды возбужденной фантазіи поэта“ (стр. 76). Стилъ въ

разсматриваемомъ сочиненіи совсѣмъ необработанный (стр. 21, 31, 40, 43—45, 49, 50, 51, 53, 66, 70, 73, 81, 117, 119, 123, 131, 137—138, 148, 158, 161, 178, 181—185, 193, 198, 205, 212, 225—226, 235, 238, 244, 249, 250, 262, 275, 289—291, 293, 294, 296, 301, 305, 321, 331, 336, 340, 351—352, 354, 356, 357). Въ первой части своего сочиненія о. Вышеславовъ обнаруживаетъ неумѣнье быть достаточно разборчивымъ въ отношеніи къ матеріалу своему, недостаточно критичнымъ. Мало у него разработана и доказательная сторона, слаба аргументація. Самыя слабыя страницы сочиненія—это тѣ, на которыхъ авторъ говоритъ о единствѣ книги бенъ-Сира (часть первая, IV—стр. 146—155). А во второй части своей работы о. Вышеславовъ переоцѣниваетъ слишкомъ значеніе своей книги. Благородное увлеченіе предметомъ своего изученія заслуживаетъ одобренія, но все-таки *magis amica veritas*. И книга сына Сирахова—вѣдь книга очень возвышенная по содержанію своему, но все же она—книга ветхозавѣтная, болѣе того—неканоническая. До высотъ христіанскаго вѣдѣнія и жизнепониманія премудрому бенъ-Сира еще далеко: его этическія правила и житейскіе совѣты въ свѣтъ Евангелія теряютъ свое значеніе. Христіанинъ къ нѣкоторымъ совѣтамъ сына Сирахова долженъ отнестись даже отрицательно, хотя уваженіе къ Екклесіасту и его употребленіе въ древней церкви для назиданія вѣрныхъ должны опредѣлить правильныя границы критическому отношенію къ ученію ветхозавѣтнаго автора. Вотъ это-то выяснить и выпукло представить и долженъ былъ о. Вышеславовъ, разъ центръ тяжести его работы, по его собственному признанію, лежалъ именно въ идейной сторонѣ изученной имъ книги.

Таковы немалые недостатки работы о. Вышеславова: но попутно мы отмѣчали и ея достоинства. Кромѣ этого, мы ставимъ о. Вышеславова въ большое достоинство замѣтно проникающей его работу интересъ къ ней и даже увлеченіе своимъ предметомъ. Цѣнно также и то, что отвѣчать на предлежавшіе ему вопросы о. Вышеславовъ старался, по возможности, ясно и опредѣленно. Признаемъ автора заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

15) О сочиненіи студента *Глухогого Ивана* на тему: „Филаретъ, митрополитъ Московскій, какъ проповѣдникъ“.

а) И. д. доцента В. П. Виноградова:

„Сочиненіе г. Глинскаго—плодъ добросовѣстнаго, по мѣрѣ силы, изученія источниковъ и научной литературы, освѣщающихъ проповѣдническое творчество м. Филарета. Результаты своего изученія авторъ изложилъ въ шести главахъ, съ небольшимъ введеніемъ (1—8 стр.) и заключеніемъ (261—265 стр.) по принятому плану работъ этого рода.

Въ главѣ I-ой (біографія) авторъ весьма умѣло избѣжалъ обычнаго въ подобнаго рода работахъ искушенія—излагать *всѣ* вычитанныя изъ различныхъ пособій свѣдѣнія, независимо отъ ихъ цѣнности для собственной цѣли работы—освѣщенія проповѣдническаго творчества даннаго лица. Нашъ авторъ совершенно правильно, въ I-ой главѣ, ставилъ своей задачей дать біографію м. Филарета лишь постольку, поскольку это необходимо для выясненія условій и стадій развитія духовной личности и съ ней проповѣдническаго таланта м. Филарета.

Во II главѣ (пастырско-проповѣдническій идеаль м. Филарета) авторъ въ общемъ правильно представилъ гомилетическую теорію м. Филарета, но, къ сожалѣнію, извлекъ здѣсь не весь относящійся сюда матеріаль и по временамъ отъ изложенія собственно теоріи сбивается къ характеристикѣ самаго проповѣдническаго творчества м. Филарета, что составляетъ спеціальнѣйшій предметъ дальнѣйшихъ главъ работы.

Въ III и IV главахъ (догматическій и нравственный элементы въ проповѣдяхъ м. Филарета) авторъ ставитъ себѣ задачей характеризовать способъ раскрытія въ проповѣдяхъ Филарета истинъ догматическихъ и нравственныхъ—главнаго предмета содержанія проповѣдей Филарета. При выполненіи этой задачи авторъ обнаруживаетъ основательное знакомство съ содержаніемъ проповѣдей Филарета, но, къ сожалѣнію, вмѣсто необходимаго здѣсь *анализа* проповѣдей предпочитаетъ больше довольствоваться буквальными, наиболее характерными выдержками изъ проповѣдей, содержащими раскрытіе тѣхъ или другихъ догматическихъ и нравственныхъ истинъ.

Въ главѣ V (современность проповѣдей м. Филарета) авторъ старательно использовалъ богатый матеріаль, заключающійся въ изслѣдованіи проф. Корсунскаго („Святитель

Филаретъ, м. Московскій“), но напрасно не отнесся къ нему критически и не попытался провѣрить главныя сужденія собственнымъ изученіемъ лежащихъ въ ихъ основаніи источниковъ.

Въ VI главѣ, при характеристикѣ „внутреннихъ и вѣшнихъ особенностей проповѣдей м. Филарета“, отъ автора требовалось болѣе широкое знакомство съ гомилетической теоріей, чѣмъ то, которымъ онъ обладаетъ: авторъ недостаточно удовлетворительно различаетъ основныя гомилетическія понятія.

Заключение, въ которомъ авторъ пытается указать мѣсто м. Филарета въ исторіи русской проповѣди,—самая слабая часть сочиненія г. Глинскаго. Не имѣя возможности удѣлить время на сколько-нибудь основательное знакомство съ исторіей русской проповѣди, авторъ ограничивается изложеніемъ сужденія проф. Корсунскаго (м. Макарій, какъ проповѣдникъ), не затрогивая, на примѣръ, даже такого существеннаго вопроса, какъ отношеніе проповѣдническаго творчества Филарета къ таковому же м. Платона; нѣкоторыя сужденія автора (на примѣръ, о современности проповѣдей Иннокентія, архіеп. Херсонскаго) рѣшительно неправильны.

Всѣ указаные недостатки не препятствуютъ, однако, сочиненію г. Глинскаго быть совершенно удовлетворительной кандидатской работой: авторъ потрудился добросовѣстно и обнаружилъ достаточный навыкъ къ серьезной научной работѣ“.

б) Ординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Работа Глинскаго распадается на нѣсколько главъ, характеризующихъ проповѣди Филарета съ разныхъ точекъ зрѣнія. Глава I содержитъ біографію святителя, въ которой авторъ обращаетъ особенное вниманіе на выясненіе причинъ, способствовавшихъ развитію въ немъ проповѣдническихъ способностей. Въ краткомъ заключеніи авторъ старается опредѣлить мѣсто и значеніе Филарета въ исторіи проповѣди, для чего онъ сравниваетъ его съ Иннокентіемъ, архіепископомъ Херсонскимъ, какъ представителей двухъ школъ проповѣдничества—московской и кievской.“

Работа Глинскаго написана толково, такъ что даетъ ясное представление о проповѣдяхъ знаменитаго іерарха. Литера-

туру предмета онъ изучилъ основательно. Главныя положенія его правильны; впрочемъ, одна мысль, правда, для него второстепенная, меня удивила: на стр. 11 онъ говоритъ о „сухости и безжизненности“ греческаго и еврейскаго языка, не понимая того, что это зависитъ не отъ самого предмета, а отъ отношенія ученика къ нему: всякій предметъ покажется сухимъ и безжизненнымъ, когда у человѣка нѣтъ охоты изучать его, напр., если онъ неспособенъ къ нему или считаетъ его для себя ненужнымъ. Не по этой ли причинѣ,— вслѣдствіе презрѣнія къ „сухимъ“ предметамъ,— у нашего автора порядочно орфографическихъ ошибокъ, напр., „отрѣченіе“ (37), „нарѣченіе“ (27), „свѣденіе“ (47), „представившагося святителя“ (1) вмѣсто „преставившагося“? Если бы онъ зналъ, что это слово есть переводъ греческаго *μεταβτήραι*, то не сдѣлалъ бы такой ошибки. Впрочемъ, это не мѣшаетъ мнѣ оцѣнить его старательную работу балломъ 5“.

16) О сочиненіи студента *Гражданскаго Тилона* на тему: „Государственное и церковное устройство Новгорода Великаго“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Задачу, которую ставить своей работѣ авторъ, онъ опредѣляетъ такъ: „дать сильное выясненіе государственнаго и церковнаго устройства Новгорода Великаго при помощи всѣхъ доселѣ вышедшихъ въ свѣтъ источниковъ и пособій по новгородской исторіи“ (6). Авторъ ограничивается, слѣдовательно, изображеніемъ устройства Новгорода Великаго, не касаясь внѣшней его исторіи, достаточно ясной, по его мнѣнію, изъ лѣтописей. Разрѣшить поставленную себѣ задачу авторъ имѣетъ въ виду двумя путями: во-первыхъ, онъ намѣревается дать сводъ сдѣланнаго въ литературѣ, во-вторыхъ, на нѣкоторые вопросы, хотя бы и второстепенные, онъ пытается дать отвѣтъ самъ. Гражданскій тщательно изучалъ источники и пособия по новгородской исторіи. Пропускъ—одного изъ видовъ источниковъ—новгородскихъ переписныхъ книгъ XV и начала XVI в., составленныхъ хотя и послѣ паденія самостоятельности Новгорода, но все же бросающихъ яркій свѣтъ на землевладѣніе, хозяйство и социальный строй города въ прежнее время до уничтоженія

вольности,—пропускъ этотъ не поставимъ въ вину автору, потому что источникъ этотъ по своей обширности и трудности изученія требуетъ специальной разработки, а также и потому, что пробѣль этотъ сколько-нибудь существеннымъ образомъ на выводы автора не повліялъ. Работа надъ первоисточниками дала автору возможность проявить самостоятельность взгляда, сохранить независимость отъ высказанныхъ въ литературѣ мнѣній и подвергать эти мнѣнія критическому разбору и оцѣнкѣ [см. напр. стр. 207—оспариваніе мнѣній Рязкова, 200—возраженія Прозоровскому, 256—гипотеза о причинахъ связи новгородскихъ концовъ съ пятнами]. Многія страницы сочиненія представляютъ изъ себя интересный и полезный пересмотръ существующихъ въ литературѣ взглядовъ по первоисточникамъ. Изображеніе государственнаго и церковнаго быта поставлено авторомъ очень широко. Соответственно самой темѣ работа распадается на двѣ части: государственное устройство и церковное устройство. Въ первой части мы находимъ опредѣленіе границъ новгородскаго государства, попытку дать общее опредѣленіе новгородскому государственному строю, характеристику соціальнаго устройства Новгорода, описаніе органовъ новгородскаго управления (вѣче, князь, посадникъ и др. должности), изображеніе областного управления, характеристику организаціи суда, финансовъ и военнаго строя. Во второй части авторъ опредѣляетъ форму церковной организаціи Новгорода, устанавливаетъ періоды ея развитія, характеризуетъ власть новгородскаго архіепископа и приводитъ черты церковнаго быта. Особая глава посвящена новгородскимъ монастырямъ.

Изъ этого перечня видно, какъ богато содержаніе сочиненія. Автору можно даже въ упрекъ поставить широту его размаха. Можетъ быть лучше было бы пожертвовать второстепенными частями и сосредоточить вниманіе на главномъ. Для автора вовсе, напр., не было бы обязательно заниматься изслѣдованіями о соціальному строю, о судебномъ процессѣ, о военномъ устройствѣ. Надо, впрочемъ, сказать, что такое расширеніе рамокъ изученія также не повліяло вредно на его качества и не было причиной сколько-нибудь крупныхъ промаховъ.

Недочеты неизбежны во всякой работѣ, какъ бы тщательно она сдѣлана ни была. Укажемъ нѣкоторые замѣченныя нами

погрѣшности и спорныя мѣста. Трудно согласиться съ авторомъ, когда онъ пишетъ (6): „самая исторія событій изъ жизни древняго Новгорода достаточно ясна уже изъ лѣтописей“. — И въ лѣтописныхъ разсказахъ о событїяхъ новгородской исторїи не мало неяснаго. Не совсѣмъ правильно указано расположеніе новгородскихъ пятинъ. Бѣжецкая пятина лежала къ востоку отъ Новгорода, а не къ западу, какъ утверждаетъ авторъ. Деревская лежала къ юго-востоку, а не къ юго-западу и, наоборотъ, Шелонская лежала къ юго-западу, а не къ юго-востоку (33). Неосновательно, по нашему мнѣнію, авторъ утверждаетъ, что республики организуются обычно „на основанїи какого-либо строго продуманнаго законопроекта“ (42) и что „республиканское устройство непременно должно быть основано на строго опредѣленномъ законѣ“ (43). Античныя республики — греческія и римская слагались исторически, и какого-либо опредѣленнаго закона, лежащаго въ основѣ ихъ, въ родѣ конституціонной хартїи, не имѣли. Авторъ далѣе утверждаетъ, что государства съ республиканскимъ устройствомъ, которое непременно основано на строго опредѣленномъ законѣ, и поэтому отличающіяся чрезвычайно большимъ консерватизмомъ, естественно начинаютъ неудовлетворять требованїямъ времени и приходятъ въ упадокъ. Сѣверо-Американскїе Штаты, республика дѣйствительно основанная на опредѣленномъ законѣ, изданномъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ, государство дѣйствительно очень консервативное, однако незамѣтно, чтобы оно клонилось къ упадку, несмотря на свою неподатливую, негибкую конституцію. Автору не удается послѣ многихъ попытокъ установить типъ государственной организаціи Новгорода. О томъ, что Новгородъ можно отнести къ типу города-государства, онъ почему то не подумалъ.

Причину, почему за все время существованїя новгородской республики не расширялся кругъ боярскихъ фамилїй, авторъ видитъ въ томъ, что Новгородъ всецѣло жилъ обычаями, а не законами. Поэтому въ виду отсутствїя specialнаго закона о порядкѣ полученїя боярскаго достоинства количество бояръ тамъ не возрастало (78). Но первые-то новгородскїе бояре какимъ же путемъ проникли въ это званїе? „Боярскїй классъ“, пишетъ далѣе авторъ (83), „былъ замкнутымъ цѣлымъ: войти въ него было нельзя... но изъ низшихъ

слоевъ общества выходили люди, по своему имущественному положенію становившіеся въ уровень съ боярствомъ. Они такъ же, какъ и бояре, дѣлались обладателями значительныхъ земельныхъ владѣній и капиталовъ—но не могли быть за недостаткомъ спеціальнаго закона включены въ кругъ бояръ. Это „житыи люди“. Чувствуя, что въ этомъ сопоставленіи бояръ съ „житыми людьми“ не все благополучно, авторъ далѣе (86) прибавляетъ: „Конечно въ общемъ своемъ большинствѣ житыи люди все же не такъ были богаты, какъ бояре, образъ жизни ихъ былъ менѣе аристократиченъ“. Житыи люди—классъ, значеніе котораго, дѣйствительно, остается до сихъ поръ неразъясненнымъ. Позволимъ себѣ привести нѣкоторыя наши соображенія по этому поводу. Въ Новгородской 1-й лѣтописи можно указать мѣста, гдѣ перечисляются новгородскіе общественные классы и гдѣ за классомъ „огнищанъ“ слѣдуетъ классъ гридей, за которыми идутъ въ свою очередь купцы. Такъ подъ 1166 г. читаемъ: „Въ то же лѣто на зиму приде Ростиславъ ис Кыева на Луку и позва Новгородьце на порядъ: огнищане, *гридь*, купце вячшее“. Подъ 1195 г.: „Позва Всеволодъ Новгородьце на Чьрниговъ, на Ярослава... и Новгородьци не отпърепаса ему: идоша съ княземъ Ярославьмъ огнищане и *гридьба* и купци“. Впослѣдствіи при такихъ же перечисленіяхъ новгородскихъ общественныхъ классовъ и въ лѣтописяхъ и въ новгородскихъ актахъ мѣсто огнищанъ занимаютъ бояре, а термины *гридь* и *гридьба* замѣняются словами „житыи люди“. Можно поэтому думать, что термины эти совпадаютъ. Ср. также Пск. Лѣт. I 1468 г.: „огнищане, гридьба и кто купецъ“ (260). Но гриди, гридьба, какъ мы знаемъ,—младшіе дружинники, военные люди. Замѣчательно, что когда при Иванѣ III новгородцевъ массами переселяли въ предѣлы московскаго государства, то „житыхъ людей“ селили не въ городахъ, какъ купцовъ, а верстали помѣстьями, вдвигали ихъ въ составъ московскаго военно-служилаго класса. Нельзя ли изъ всего этого заключить, что „житыми людьми“ назывался въ Новгородѣ военно-землевладѣльческій классъ, не чуждый въ послѣдніе вѣка новгородской исторіи также и торговли, наложившей въ Новгородѣ свой отпечатокъ на все новгородское общество?

Не можемъ согласиться съ положеніями автора о томъ,

что терминъ „смердь“ замѣняется постепенно терминомъ „холопъ“ (97) и что эта замѣна выражаетъ собою переходъ новгородскаго крестьянства, жившаго на частновладѣльческихъ земляхъ, въ холопы (275). „Сябрами“ назывались не только члены товариществъ для добыванія соли, какъ думаетъ авторъ (105), но и совладѣльцы землею, и члены разныхъ другихъ товариществъ. Неправильно толкуетъ авторъ статью Новгородской Судной грамоты: „А сажати въ суду по два человѣка“, замѣчая, что „заразъ судиться, повидимому, могло только по два человѣка“. Здѣсь рѣчь не о тяжущихся, а засѣдателяхъ суда, избираемыхъ въ составъ судебного присутствія самими тяжущимися. См. наше „Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.“ т. II, стр. 179 и сл.

Отмѣченныя спорныя положенія отнюдь не уменьшаютъ достоинства сочиненія. При такой широкой постановкѣ плана работы они неизбежны. Сочиненіе написано прекраснымъ языкомъ: отдѣльныя положенія сводятся въ общіе выводы, облегчающіе усвоеніе. Авторъ вполне заслуживаетъ степени кандидата“.

б) И. д. доцента *священника* *И. М. Смирнова:*

„Прекрасное впечатлѣніе получается послѣ чтенія работы г. Тихона Гражданскаго, задаваемаго цѣлью выяснитъ болѣе или менѣе подробно (а главное—безпристрастно), на основаніи доступныхъ ему источниковъ и пособій по Новгородской исторіи, „Государственное и церковное устройство Новгорода Великаго“. Авторъ не претендуетъ на оригинальность или свѣжесть выводовъ. Его задача скромнѣе—это дать описаніе строя на основаніи уже опубликованныхъ источниковъ и современной литературы по данному вопросу, при возможномъ критическомъ отношеніи къ нимъ, конечно. И нужно отмѣтить, что свою задачу онъ выполнилъ прекрасно. Объемъ власти вѣча свободолюбиваго Новгорода, права и обязанности князя и посадника, взаимныя ихъ отношенія и ихъ отношеніе къ вѣчу, раздѣленіе общественныхъ элементовъ составлявшихъ государственный организмъ Новгорода, на сословныя и корпоративныя классы, государственное и церковное значеніе Архіепископа, устройство Новгородскаго областного управленія, а также порядокъ и постановка судопроизводства, финансовъ, торговли, военнаго дѣла,—все

это указано авторомъ съ исчерпывающей полнотою. Такъ же не менѣе полно и ясно представленъ и церковный строй Великаго Новгорода съ его іерархіей, системой ея избранія, приходской жизнью, монашествомъ. Въ концѣ той и другой части авторомъ сдѣлана небольшая оцѣнка строя государственной и церковной жизни Новгорода. Съ этимъ стремленіемъ быть точнымъ относительно сообщаемыхъ свѣдѣній (въ сочиненіи цитируются преимущественно лѣтописи и подобныя документы) прекрасно гармонируетъ у автора желаніе быть точнымъ и въ выраженіи:—за обработкой языка онъ слѣдилъ, повидимому, тщательно. Такая гармонія придаетъ, конечно, большой плюсъ работѣ. Есть, конечно, въ сочиненіи и недостатки. Такъ, напр., не совсемъ ясно разграничены у автора области судоправленія Новгородскаго князя и князя пригороднаго (ср. стр. 174, 177, 295 и—266). Не вѣрна, по моему, та мысль автора, когда онъ, желая объяснить выраженіе лѣтописи „сдумавше съ посадникомъ“, говоритъ, что посадникъ на вѣчѣ самъ, какъ предсѣдатель, ставилъ вопросы на обсужденіе и *первымъ* же предлагалъ рѣшеніе ихъ (215 стр.). На чемъ основываетъ авторъ свое соображеніе?—Если на современномъ порядкѣ хода собранія, то мысль его неправильна. Предсѣдатель на собраніяхъ говоритъ (=обсуждаетъ) не первымъ, а послѣднимъ, такъ какъ подача мѣтній (и счетъ голосовъ) идетъ съ младшихъ членовъ собранія въ порядкѣ ихъ постепенности старшинства. Да, въ сущности говоря, неудачно названо и само вѣче *засѣданіемъ* (стр. 214 и 237),— это то собраніе, которое самъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ сравниваетъ съ современнымъ митингомъ (стр. 215).

Но всѣ эти и другіе небольшіе недостатки съ успѣхомъ нивелируются крупными достоинствами работы г. Гражданскаго, которая вполне даетъ ему право на присужденіе степени кандидата богословія“.

17) О сочиненіи студента *Зеденизеви Василія* на тему: „Исторія распространенія христіанства на Руси съ нашествія монголовъ до к. XVI в.“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Послѣ введенія, въ которомъ авторъ кратко повѣствуетъ

о предѣлахъ распространенія христіанства за кievскій періодъ, далѣе въ I гл. онъ говоритъ объ успѣхахъ христіанской миссіи въ Поволжьѣ среди монголовъ и подчиненныхъ ихъ власти инородцевъ, во II—на сѣверо-западѣ и сѣверо-востокѣ между финскими племенами, въ III—излагаетъ исторію распространенія христіанства въ западной Сибири между ея инородцами и въ заключеніи разсуждаетъ объ условіяхъ, благопріятствовавшихъ поступательному движенію христіанства въ предѣлахъ русской земли.

Для выполненія своей задачи авторъ изучилъ массу разнообразнаго матеріала и овладѣлъ большою литературою. Поэтому въ его работѣ не встрѣчается ошибокъ ни въ крупныхъ вопросахъ, ни въ деталяхъ. Похвальное свойство труда—сжатость изложенія, которая позволяетъ автору въ небольшомъ по объему сочиненіи представить результаты напряженнаго труда, доведеннаго до самыхъ корней вопроса. Планъ отчетливый, но недостатокъ его въ томъ, что авторъ, увлекшись географическимъ принципомъ, почти не обращаетъ вниманія на хронологію. Поэтому у него вышло, напр., то, что дѣятельность св. Стефана Пермскаго (к. XIV в.) изображается почти въ концѣ сочиненія, послѣ того какъ описаны труды Феодорита Кольскаго, Трифона Печенгскаго (XVI в.) и другихъ апостоловъ русскаго сѣвера. Затѣмъ авторъ почти не принялъ въ расчетъ исторію колонизаціи русской земли, въ связи съ которой (колонизаціей) шла, конечно, и ея христіанизація, между тѣмъ этотъ факторъ долженъ бы быть поставленъ въ основу всего трактата. Впрочемъ извиненіемъ въ данномъ случаѣ можетъ служить то, что исторія русской колонизаціи далеко не выяснена и въ предѣлахъ срока, который былъ въ распоряженіи автора, прямо не выполнима. Въ языкѣ сочиненія встрѣчаются нѣкоторыя неловкости и нелитературныя выраженія (15, 24, 150, 164).

Несмотря на отмѣченные недочеты трудъ г. Зедгенизева надо признать очень хорошимъ”.

б) И. д. доцента *О. М. Россейкина*:

„Небольшое по объему, но очень содержательное сочиненіе г. Зедгенизева производитъ хорошее впечатлѣніе обшир-

ной освѣдомленностью автора, отчетливостью мысли, сжатостью изложенія и серьезнымъ отношеніемъ къ предмету. Авторъ твердо представляетъ всѣ стороны миссіонерскаго дѣла и не упускаетъ изъ виду ни одного существеннаго условія успѣха или неуспѣха миссіи. Возможно, что въ этомъ случаѣ ему много помогли его личныя впечатлѣнія, такъ какъ онъ, уроженецъ Восточной Сибири, жилъ среди просвѣщаемыхъ инородцевъ и имѣлъ возможность непосредственно наблюдать дѣйствіе на нихъ миссіи (ср. стр. 206). Не виноватъ авторъ, если глава о распространеніи христіанства именно въ Сибири оказалась у него по содержанію гораздо бѣднѣе прочихъ: причина въ недостаточности матеріаловъ. Авторъ умѣетъ быть самостоятельнымъ въ сужденіяхъ и иногда сознательно расходится со взглядами признанныхъ ученыхъ (216). Онъ хочетъ быть и безпристрастнымъ, и, высоко оцѣнивая заслуги иноковъ и монастырей въ дѣлѣ миссіи, не закрываетъ глазъ на недостатки въ ихъ миссіонерскихъ приемахъ (41). Тѣмъ не менѣе, въ одномъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ чувство патріотизма замѣтно наклонило его приговоръ въ пользу родного народа. Въ своей заключительной главѣ г. Зедгенизевъ пробуетъ, мимоходомъ, сопоставить приемы миссіи русскихъ людей съ культуртрегерствомъ европейскихъ народовъ и, отмѣтивъ счастливую способность русскихъ людей ассимилировать инородцевъ, сохраняя терпимое отношеніе къ нимъ, продолжаетъ: „Не то наблюдается въ Западной Европѣ. Не всегда тамъ встрѣча христіанъ съ инородцами сопровождалась объединеніемъ ихъ, образованіемъ изъ отдѣльныхъ племенъ одной великой семьи цивилизованныхъ народовъ, а, напротивъ, иногда она вела къ вымиранію туземцевъ чрезъ нѣсколько поколѣній послѣ перехода къ формамъ жизни своихъ культуртрегеровъ. Извѣстно, что такая участь и понынѣ постигаетъ краснокожихъ Сѣверной Америки или аборигеновъ Океаніи“. Едва ли г. Зедгенизевъ укажетъ въ предѣлахъ Запада и его исторіи примѣръ, подтверждающій его столь отрицательную оцѣнку западной миссіи и культуртрегерства. То, что говоритъ авторъ страницей ниже о насиліяхъ русскихъ переселенцевъ и властей надъ инородцами, отнятіи у нихъ земель и политической самостоятельности, еще болѣе ослабляетъ различіе между просвѣтительными приемами Руси и Запада (ср. стр. 41).

Промахи стипля рѣдки (9: 210).—За свое сочиненіе г. Зедгендзевъ вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

18) О сочиненіи студента *Зыкова Ивана* на тему: „Педагогическія воззрѣнія блаженнаго Августина“.

а) И. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостыгина*:

„Сочиненіе г. Зыкова (стр. XII+325) достаточно полно по содержанію и правильно обработано по формѣ. Послѣ біографіи бл. Августина (гл. 1) авторъ излагаетъ педагогическія его воззрѣнія, распредѣливъ ихъ по двумъ періодамъ въ жизни блаженнаго учителя (гл. 2—періодъ увлеченія неоплатонизмомъ, гл. 3—періодъ христіанскій). Существенное различіе между этими двумя періодами авторъ кратко выражаетъ слѣдующими словами Eggersdorfer'a: „теперь (т. е. во второмъ періодѣ) *святой* становится идеаломъ блаженнаго Августина, тогда какъ прежде имъ былъ *мудрый*“ (стр. 202).

Въ заключительной (4) главѣ говорится о вліяніи бл. Августина на позднѣйшую педагогику. Здѣсь нашъ авторъ стоитъ въ явной зависимости отъ того-же Eggersdorfer'a, тогда какъ въ большей части сочиненія онъ проявляетъ самостоятельность, основываясь почти всегда на трудахъ самого бл. Августина, причемъ не ограничивается изученіемъ ихъ по переводамъ, но нерѣдко обращается и къ латинскому подлиннику.

Слѣдуетъ добавить, что авторъ внимательно изучилъ и важнѣйшіе труды русскихъ ученыхъ, трактующіе о бл. Августинѣ, какъ мыслителѣ и педагогѣ (архм. Бориса, проф. Герье, Писарева, Скворцова, Трубецкого и др.).

Къ сожалѣнію, при слѣшной перепискѣ въ сочиненіи осталось довольно много мелкихъ ошибокъ и неточностей—орфографическихъ, стилистическихъ и др. Но и при этихъ недостаткахъ сочиненіе должно быть признано совершенно удовлетворительнымъ для кандидатской степени“.

б) И. д. доцента *А. М. Туберовского*:

„Уже по одному оглавленію (V—XII) сочиненія можно судить, насколько серьезна работа и правиленъ методъ автора. Глава 1-я (1—87 стр.) обнимаетъ біографію Блаженнаго и генезисъ его міровоззрѣнія съ преимущественнымъ

Удареніемъ на фактъ отказа Августина отъ учительства въ языческой школѣ и перечисленіемъ важныхъ въ педагогическомъ отношеніи трудовъ. Въ гл. 2-ой (87—184 стр.) излагаются педагогическія воззрѣнія бл. Августина перваго періода, навѣяанныя неоплатонизмомъ, но, отчасти, внушенныя и христіанствомъ. Въ 3-й гл. (184—289 стр.) передаются мысли бл. Августина о воспитаніи второго періода, вполнѣ опредѣлившіяся въ ихъ христіанскомъ направленіи, вмѣстѣ съ обще-дидактическими совѣтами и частно-методическими (касательно преподаванія Закона Божія) указаніями и съ попутнымъ замѣчаніемъ о монастырской семинаріи иппонскаго Святителя. Гл. 4-я и послѣдняя (289—326 стр.) говоритъ о вліяніи бл. Августина на педагогику послѣдующаго времени до русскихъ школъ включительно.

Серьезность работы заключается въ исчерпывающей полнотѣ трактовки, въ той широтѣ обхвата, благодаря которой, въ разсматриваемомъ сочиненіи, автору удалось сочетать педагогическіе взгляды Блаженнаго Отца въ двухъ различныхъ направленіяхъ его ума и сердца: неоплатоническомъ и христіанскомъ. Сюда же слѣдуетъ отнести и внимательность автора въ отношеніи къ прочитаннымъ имъ пособіямъ (въ количествѣ 14, кромѣ сочиненій самого Августина).— Правильность метода, по мнѣнію рецензента, заключается въ его историчности. Педагогическія идеи бл. Августина разсматриваются здѣсь не статически, какъ неподвижная, замкнутая въ себѣ, система, а динамически, въ связи съ религіозными переживаніями и различными обстоятельствами жизни, въ зависимости отъ всей замѣчательной и единственной въ своемъ родѣ личности ихъ носителя. Лучшимъ примѣромъ — украшеніемъ диссертациі — могутъ служить стр. 198—202 и далѣе, гдѣ перемѣною образа мыслей (неоплатоническаго на христіанскій) и жизни (уединенно-созерцательнаго на общественно-практическій) объясняется характеръ педагогическихъ воззрѣній Августина во второй періодъ съ преобладаніемъ въ нихъ религіозно-дѣятельнаго идеала надъ интеллектуально-философскимъ, проникавшимъ собою тѣ же воззрѣнія перваго періода.

„Хвала блаженному!“—восклицаетъ авторъ, приближаясь къ окончанію своего труда, и этого восклицанія нельзя не признать характернымъ для отношенія автора къ избран-

ному имъ для себя въ предметъ сочиненія знаменитому Учителю церкви, какъ педагогу. Желательно, чтобы тотъ идеаль христіанскаго воспитанія, который авторъ нашель у бл. Августина и которымъ онъ такъ увлекся, и у самого г. Зыкова, въ его педагогической дѣятельности, нашель себѣ еще большее, чѣмъ у слѣдовавшихъ за Августиномъ педагоговъ, приложеніе!

Нельзя, однако, желая добра автору, не сказать и про недочеты сочиненія:

1) со стороны орфографіи. Авторъ пишетъ или оставляетъ безъ корректуры: „позлику“ (241 стр.), „серебрянные“ (245), „затѣмняющій“ (257), „въ пищи“ (284), „чтетъ“ (вм. „чититъ“), „ядящихъ“ (вм. „ядущихъ“) и т. д.

2)—стиля. Авторъ выражается: „преходящійся“, вмѣсто „преходящій“ (=тѣлнный, стр. 140): „рядъ мучительной борьбы“ (193), „то тамъ, то тамъ“ (т. е. „то тамъ, то здѣсь“) и т. д.

3)—точности. а) „Всѣ грѣхи похоти Августина дѣлится на три группы: похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская“ (210 стр.). Автору должно быть извѣстно, что это дѣленіе принадлежитъ Св. Іоанну Богослову (I, 2, 16), бл. Августина же только воспользовался имъ во имя апостольскаго авторитета. б) На стр. 73 и 74 предшественникъ Августина по иппонской кафедрѣ именуется Валеріемъ, а на 282 стр.—Аврелиемъ. Чѣмъ объясняется несходство названій?

4)—подстрочника. а) Впервые цитуемое авторомъ на стр. 236 сочиненіе Августина приводится въ такомъ видѣ: „De peccat merit et remiss lib“... Ясно, что цитата откуда-то заимствована. б) Неизвѣстно, по какому изданію г. Зыковъ цитируетъ бл. Августина. Между тѣмъ, названіе изданія, будетъ ли это оригиналь или переводъ, является элементарнымъ правиломъ цитаціи.

5)—содержанія. а) Говоря о тѣлесномъ наказаніи (242 стр.), авторъ, повидимому, всецѣло раздѣляетъ взглядъ цитируемаго имъ Миролюбова, что бл. Августина былъ сторонникомъ этого воспитательнаго средства. Но не мѣшало бы автору самому вникнуть въ начальныя строки „Исновѣди“, гдѣ говорится о тѣлесныхъ наказаніяхъ по личному опыту Августина, что бы подмѣтить въ высшей степени глубоко-мысленный взглядъ на этотъ предметъ Учителя церкви IV—V вв., удивительно гуманный по тому времени, когда

сокрушение жезломъ выи не только ребенка, но и взрослого возводилось едва ли не въ нерушимый законъ природы. б) Непонятно, далѣе, почему г. Зыковъ считаетъ „искусственнымъ“ и „натяжкой“ (277—279 стр.) дѣленіе бл. Августиномъ ветхозавѣтной исторіи на пять періодовъ: до потопа, до Авраама, до Давида, до вавилонскаго плѣна и до Христа. Развѣ не искусственно всякое дѣленіе вообще и какаѣ же, съ другой стороны, натяжка—такъ именно дѣлится библейскую исторію Ветхаго Завѣта, если каждая изъ указанныхъ пяти эпохъ, дѣйствительно, имѣла свой особый характеръ и значительную долю неповторяемости? Если, впрочемъ, что у Августина и отзывается нѣсколько „натяжкой“, такъ это аналогія пяти періодовъ съ пятью пальцами руки, но вѣдь, слѣдуетъ помнить, всякая аналогія потому и аналогія, что она придумывается, измышляется, „натягивается“ умомъ на то или другое его положеніе.

Въ виду вышеуказанныхъ достоинствъ и несмотря на присущіе сочиненію ст. Зыкова, какъ и всякому человѣческому труду, недостатки, работа заслуживаетъ, по отзыву второго рецензента, несомнѣннаго одобренія, а авторъ—степени кандидата богословія“.

19) О сочиненіи студента *Иванова Петра* на тему: „Психологія религіозныхъ обращеній“.

а) Экстраординарнаго профессора *П. П. Соколова*:

„Сочиненіе г. Иванова, несмотря на его большой объемъ (420 стр. почтового формата), читается съ неослабѣвающимъ интересомъ: такъ важны разсматриваемые въ немъ вопросы, такъ поучителенъ собранный въ немъ матеріалъ. Авторъ касается самой глубокой драмы, какую способна пережить алчущая и жаждущая правды человѣческая душа,— ея обращенія къ источнику этой правды, Богу. Онъ не дѣлаетъ попытокъ объяснить эту святую драму естественными психологическими причинами. Для него слишкомъ ясно, что религіозное обращеніе есть великое таинство, въ которомъ естественное возрождается сверхъестественнымъ и конечное растворяется въ безконечномъ. Не смѣшивая религіозной психологіи съ религіознымъ психологизмомъ, онъ видитъ свою задачу только въ томъ, чтобы описать ту душевную

обстановку, въ которой совершается это таинство, тѣ состоянія вѣры, сомнѣнія и душевной борьбы, которыя ему предшествуютъ, тѣ впечатлѣнія и вліянія, которыя его готовятъ, тѣ сложныя, глубокія и бурныя переживанія, которыя ему сопутствуютъ, тѣ благодатныя измѣненія въ чувствахъ, мысляхъ и дѣйствіяхъ, которыя за нимъ слѣдуютъ. Психологическія условія обращеній, связанныя съ различіями возраста и пола, внутреннихъ потребностей и внѣшнихъ вліяній, моменты обращенія и наполняющее ихъ душевное содержаніе, типы и направленія обращеній, ихъ обще-религіозныя и конфессіональныя формы, ихъ обычныя и исключительныя послѣдствія, начиная съ простаго нравственнаго возрожденія и кончая состояніемъ святости,—вотъ главные вопросы, которые онъ изучаетъ. Авторъ описываетъ обращеніе, какъ діалектическій процессъ, ведущій отъ безсознательныхъ вѣрованій дѣтства чрезъ сознательное невѣріе юности къ сознательной вѣрѣ позднѣйшихъ лѣтъ; но этотъ діалектическій процессъ не превращается у него въ отвлеченную схему или теоретическое построеніе. Предъ нами проходятъ дѣйствительныя факты и конкретныя образы; намъ говорятъ живые человѣческіе документы, въ которыхъ слышатся то крики истерзанной души, то слезы умиленнаго сердца,—документы исключительныя и обыденныя, выдающіеся и незначительныя, трогательныя и наивныя. Среди этихъ документовъ встрѣчается все: великая „Исповѣдь“ Блаженнаго Августина и маленькія исповѣди обратившихся студентовъ и курсистокъ, письма епископа Теофана Затворника и записки „раскаившагося революціонера“, автобіографія Джона Стюарта Милля и біографія матушки Магдалины, дневники Амбея и замѣтки пережившаго религіозную драму иконописца, „Исповѣдь“ отпавшаго отъ православія Толстого и рассказы перешедшихъ въ православіе старообрядцевъ и сектантовъ, свидѣтельства увѣровавшихъ врачей и признанія потерявшихъ вѣру семинаристовъ, данныя американскихъ анкетъ и сообщенія русскихъ миссіонеровъ, наблюденія психологовъ изъ „American Journal of Religions Psychology“ и изліянія страждущихъ душъ изъ „Студенческаго Листка“ или журнала „Христіанинъ“, факты, собранныя въ „Zeitschrift für Religionspsychologie“, и случаи, описанныя въ „Душеполезномъ Читаніи“ и „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. Эти исповѣди,

свидѣтельства и признанія нельзя читать равнодушно: тѣмъ болѣе нельзя равнодушно о нихъ писать. И авторъ дѣйствительно взволнованъ развертывающимися передъ нимъ душевными трагедіями: онъ не только изображаетъ, но до извѣстной степени и переживаетъ ихъ. Его стиль, живой, иногда яркій, но неровный, неправильный и даже подчасъ невразумительный, отражаетъ въ себѣ слѣды этого волненія; его описанія и характеристики, почти утомляющія обиліемъ красокъ и образовъ, согрѣты искреннимъ чувствомъ. Было бы жаль, если-бы эта работа навсегда затерялась въ академическомъ архивѣ: нужно пожелать, чтобы она была передѣлана и появилась на свѣтъ.

Но для этого нужно, чтобы она именно была передѣлана, передѣлана почти до основанія. Въ своемъ настоящемъ видѣ она не годится для печати. Ея недостатки настолько многочисленны, что въ настоящемъ отзывѣ я могу остановиться только на главнѣйшихъ изъ нихъ. Эти недостатки касаются и ея плана, и ея метода, и ея источниковъ, и ея содержанія, и ея изложенія.

У г. Иванова есть планъ, и даже планъ, имѣющей всѣ внѣшніе признаки стройности и систематичности. Его сочиненіе состоитъ изъ введенія, двухъ частей и заключенія: части называются „общую“ и „аналитическую“ (правильнѣе было бы сказать: „спеціальною“) и каждая изъ нихъ дѣлится ровно на четыре главы. Но если мы попытаемся разобраться въ этомъ симметричномъ планѣ, то мы увидимъ, что онъ является только внѣшнею декорацией внутренняго хаоса. Часть „общую“ нельзя разграничить отъ части „аналитической“ даже видимымъ образомъ, а главы этихъ частей не имѣютъ ни взаимной связи, ни внутренняго единства. Все сочиненіе представляетъ собою скорѣе собраніе отдѣльных этюдовъ или даже эскизовъ, чѣмъ органически связанное и законченное цѣлое.

Дѣлая общую характеристику сочиненія, я уже далъ представленіе о его методѣ: это методъ эмпирической, основанный на изученіи фактовъ и документовъ религіознаго опыта. Но эмпирическое изслѣдованіе невозможно безъ критики, а о критикѣ г. Ивановъ не особенно заботится. Автобіографическія показанія, на которыхъ онъ главнымъ образомъ основывается, принадлежать въ большинствѣ случаевъ людямъ.

никому невѣдомымъ; между тѣмъ онъ не только не задается вопросомъ, въ какой степени эти люди заслуживаютъ довѣрія, но даже не пытается сколько-нибудь ознакомить насъ съ ними. Что же касается свидѣтельствъ постороннихъ лицъ, то онъ черпаетъ ихъ всюду безъ разбора и беретъ въ нихъ не только факты, но и субъективное освѣщеніе этихъ фактовъ.

Какъ мы видѣли, г. Ивановъ располагаетъ обширнымъ и разнообразнымъ автобіографическимъ и біографическимъ матеріаломъ, но нельзя сказать, чтобы онъ былъ достаточно знакомъ съ научной литературой вопроса. Онъ знаетъ то немногое, что существуетъ по психологіи религіи на русскомъ языкѣ, онъ широко пользуется работами американскихъ и нѣмецкихъ изслѣдователей, но о французской литературѣ онъ не имѣетъ никакого представленія. Ему почему-то кажется, что эта литература „обычно слѣдуетъ методу американскихъ ученыхъ“ и „оставляетъ желать лучшаго“ (стр. 8); но при незнаніи французскаго языка ему трудно объ этомъ судить. Въ дѣйствительности французская литература и по качеству, и по количеству ничуть не уступаетъ американской и далеко превосходитъ нѣмецкую. О зависимости ея метода отъ американскихъ изслѣдованій не можетъ быть рѣчи. Методъ американцевъ, это—методъ анкетъ: между тѣмъ французскіе писатели пользуются преимущественно данными психологическаго и психопатологическаго анализа и опираются главнымъ образомъ на изученіе автобіографическихъ, біографическихъ и историческихъ документовъ. Если авторъ найдетъ возможнымъ продолжать свою работу, ему придется восполнить этотъ важный пробѣлъ.

Перехожу къ содержанію сочиненія. Г. Ивановъ пишетъ объ обращеніяхъ, но понятіе обращенія для него неясно. Подъ именемъ обращенія онъ разумѣетъ все: и обращеніе вниманія въ новую сторону, и новый образъ, возникающій въ сознаніи, и всякій новый психическій синтезъ, слагающійся на развалинахъ старыхъ. Къ числу обращеній онъ относитъ и привѣтствіе знакомаго, встрѣченнаго на улицѣ, и игру на роялѣ (46 стр.), и смѣну занятій и интересовъ, и перемѣну литературныхъ и музыкальныхъ вкусовъ, и „переходъ отъ влюбленности къ ненависти, отъ расточительности къ бережливости и скупости“ (51). Словомъ, всякій элементъ сознанія и всякій психическій актъ есть, по его мнѣнію,

обращение, и онъ совершенно серьезно рассуждаетъ объ „обращеніяхъ—элементахъ“ и „обращеніяхъ—актахъ“. Нужно перепутать все понятія, чтобы договориться до такого абсурда. Вѣдь, если душевные элементы обращеній сами являются обращеніями, то почему бы г. Иванову не называть кирпичей, изъ которыхъ строятъ дома, „кирпичами—домами“? Авторъ былъ бы правъ, если-бы, описывая смѣну явленій сознанія и выясняя условія образованія новыхъ психическихъ синтезовъ, онъ хотѣлъ дать только общій анализъ психологическаго состава обращеній; но тогда ему нужно было съ самаго начала отдать себѣ отчетъ въ томъ, что обращение не тождественно съ составляющими его элементами, что оно представляетъ собой процессъ совершенно особаго и исключительнаго рода, что это душевная метаморфоза, захватывающая въ большей или меньшей степени всю личность человѣка и отдѣленная отъ его прежнихъ состояній рѣзкимъ, мгновеннымъ или длительнымъ, кризисомъ.

Въ пониманіи психологической природы религіозныхъ обращеній, равно какъ и въ истолкованіи религіознаго опыта вообще, г. Ивановъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ интеллектуализма. Религіозное обращеніе, по его мнѣнію, есть эмоциональный процессъ. Въ тотъ рѣшительный моментъ, когда обращающійся переходитъ отъ предшествующаго состоянія душевной борьбы и сомнѣній къ безповоротной вѣрѣ, въ его сознаніи нѣтъ никакого яснаго интеллектуальнаго содержанія: его душа охвачена только могучимъ порывомъ чувства, соединеннаго съ полнымъ безсиліемъ воли. Однако такая точка зрѣнія, внушенная автору его американскими авторитетами, является въ свою очередь одностороннею. Интеллектуальные элементы въ моментъ обращенія существуютъ, и при болѣе глубокомъ анализѣ авторъ сумѣлъ бы ихъ открыть. Это тѣ живыя репрезентативныя формы, въ которыхъ обращающійся воспринимаетъ присутствіе Высшей силы,—формы видѣній, внутреннихъ голосовъ и общихъ ощущеній. Опустивъ изъ виду эти явленія, авторъ потерялъ ключъ къ пониманію всѣхъ остальныхъ. И эмоциональная буря, переживаемая обращающимся, и его неспособность противиться овладѣвшему имъ порыву остаются для него неразрѣшимой загадкой. Между тѣмъ онъ легко объясняются тѣмъ неотразимымъ впечатлѣніемъ, которое

испытываетъ обращающійся при живомъ представленіи или ощущеніи являющагося ему Высшаго Существа. Этотъ вопросъ достаточно разъясненъ въ моей синтетической теоріи вѣры и остается только пожалѣть, что авторъ не сумѣлъ сдѣлать изъ нея необходимыхъ для него выводовъ.

Г. Ивановъ подвергаетъ довольно рѣзкой критикѣ дѣленіе обращеній на постепенныя и мгновенныя, сознательныя и бессознательныя, произвольныя и непроизвольныя; но тѣ возраженія, которыя онъ приводитъ противъ него, могли бы быть направлены и противъ всякой классификаціи вообще. Всѣ классификаціи условны, всѣ онѣ искусственно обособляютъ одну группу явленій отъ другихъ. Но ихъ создаютъ не для того, чтобы разрѣзывать дѣйствительность на части, а для того, чтобы облегчить ея описаніе. И автору нужно было тѣмъ болѣе имѣть это въ виду, что самъ онъ не могъ замѣнить опровергаемой имъ классификаціи никакою другою.

Въ связи съ условіями обращенія авторъ касается вопроса о причинахъ современнаго невѣрія вообще и упадка вѣры у нашихъ семинаристовъ въ частности. Преобладаніе теоретическихъ мотивовъ отчужденія отъ Бога въ настоящее время онъ объясняетъ тѣмъ, что теперь „догматическія истины стали гораздо опредѣленнѣе, а ихъ преподаваніе гораздо настойчивѣе и систематичнѣе“ (98). Эту сентенцію можно было бы принять за остроумный парадоксъ, если-бы она не была простымъ недоразумѣніемъ: опредѣленность догматическихъ истинъ и систематичность ихъ преподаванія авторъ смѣшиваетъ съ схоластическими приѣмами ихъ изложенія. Что же касается наболѣвшаго вопроса о семинарскомъ безвѣріи, которому г. Ивановъ посвящаетъ очень длинное примѣчаніе въ концѣ II главы (стр. 104—119), то по поводу него онъ высказываетъ немало горькой правды, но изрекаетъ и немало вздора. Такъ, одной изъ причинъ этого безвѣрія онъ считаетъ семинарскую философію, которая будто-бы особенно располагаетъ юные умы къ критицизму и рационализму. Кто бы могъ думать, что семинарская философія повинна въ такомъ грѣхѣ! Вѣроятно даже тотъ наивный семинаристъ, на котораго ссылается авторъ, имѣлъ въ виду философію совсѣмъ другого рода.

Я не могу входить въ подробный анализъ тѣхъ специальныхъ вопросовъ, которые разсматриваются г. Ивановымъ во

второй части его сочинения, хотя эта часть страдает еще большими дефектами, чѣмъ первая. Остановлюсь только на его заключеніи. Оно посвящено критикѣ религіознаго релятивизма и доказательству абсолютной цѣнности и истинности православія. Изучая психологію религіозныхъ обращеній, авторъ вдохновлялся идеями прагматизма и опирался на теорію субъективныхъ или практическихъ цѣнностей. Теперь предъ нимъ встаетъ вопросъ о цѣностяхъ объективныхъ и абсолютныхъ. Какъ же онъ его рѣшаетъ? Да при помощи той же теоріи субъективныхъ цѣнностей. Онъ ухитряется опровергать релятивизмъ съ точки зрѣнія прагматизма, который ведетъ къ нему прямою дорогою, и доказывать православіе „практическими“ доводами г. Розанова, пригодными развѣ только для потребностей этого непотребнаго писателя. Нечего и говорить, что результаты такой попытки являются жалкими. Нужно прибавить, что при такой постановкѣ дѣла самое понятіе религіознаго релятивизма совершенно искажается въ сознаніи автора: онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ и адогматизмъ, и безцерковность, и протестантскій субъективизмъ, и религіозный партикуляризмъ.

Наконецъ, изложеніе сочинения страдает неровностью и видимо носитъ отпечатокъ спѣшности. На ряду съ яркими и даже блестящими страницами встрѣчаются страницы, написанныя на какомъ-то мало понятномъ воляпюкѣ; рядомъ съ перлами неподдѣльнаго краснорѣчія попадаетъ мусоръ трескучей риторики. Описывая состоянія обращающихся, авторъ вездѣ предпочитаетъ говорить ихъ собственными словами. Во многихъ случаяхъ такой пріемъ, конечно, вполне правиленъ и неизбѣженъ; но имъ нельзя и злоупотреблять. Слишкомъ длинныя выдержки слѣдовало бы иногда сокращать: англійскія и нѣмецкія цитаты въ текстѣ нужно было переводить на русскій языкъ или переносить въ подстрочныя примѣчанія.

И указываю всѣ эти недостатки не для того, чтобы обезцѣпить работу г. Иванова. Въ концѣ концовъ они понятны и неизбѣжны въ виду сложности тѣхъ вопросовъ, съ которыми авторъ имѣлъ дѣло, и при ограниченности того времени, какимъ онъ располагалъ. Вѣдь уже одно собраніе того громаднаго матеріала, надъ которымъ онъ работалъ, должно было отнять у него не одинъ мѣсяць. Сдѣлать больше

въ теченіе года было бы трудно. Обращая его вниманіе на его промахи и ошибки, я желалъ бы только помочь ему, если бы онъ вздумалъ продолжать свое сочиненіе. Обработка этого сочиненія для печати, повторяю, весьма желательна и авторъ имѣетъ всѣ данныя, чтобы успѣшно выполнить эту задачу. Онъ обладаетъ прекрасною научною подготовкой и обширною начитанностью: это хорошій психологъ, хорошій богословъ и образованный человекъ. Въ добавокъ къ этому онъ надѣленъ несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ.

Степени кандидата богословія г. Ивановъ вполне заслуживаетъ“.

б) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„Для своего сочиненія г. Ивановъ изучилъ англійскій языкъ и собралъ изъ литературы, какъ русской, такъ и иностранной, значительную количественно коллекцію фактовъ религіозной психологіи.

Попутно имъ высказываются иногда сужденія интересныя, развитіе которыхъ болѣе подробное могло бы привести къ выводамъ, углубляющимъ пониманіе религіозной жизни. Авторъ пытается критически отнестись къ другимъ работамъ, аналогичнымъ его собственной, и самостоятельно классифицировать изучаемый матеріалъ. Тонъ рѣчи его далеко не заносчивъ, и нерѣдко г. Ивановъ съ изъявленіемъ скромности, отклоняетъ отъ себя обсужденіе встрѣтившихся предметовъ философскихъ и богословскихъ. Однако, эта скромность,— въ большинствѣ случаевъ, кажется, програмная, а не изъ сознанія личной ограниченности истекающая— она-то и производитъ нѣкоторый туманъ, разсѣять который можно лишь при иномъ философскомъ міропониманіи, чѣмъ у нашего автора. Г. Ивановъ желаетъ стоять на строго-психологической точкѣ зрѣнія и пользоваться чисто-эмпирическимъ методомъ, но, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, впадаетъ въ дурной психологизмъ и самъ того не замѣчая, переполняетъ свое излѣдованіе без- и полу-сознательно воспринятыми предпосылками самаго метафизическаго свойства. Взамѣнъ сознательной метафизики получается безсознательная, взамѣнъ критической—некритическая, взамѣнъ хорошей—дурная. Впрочемъ, это обычное свойство психологическихъ, „чисто-психологическихъ“ изслѣдованій. Къ тому же,

не имѣя критеріевъ различія и не выработавъ принципа для *выбора* изучаемыхъ фактовъ, онъ вынужденъ въ одну кучу валить перлы религіозной жизни и всякій хламъ, не умѣетъ ограничить себя лишь типичнымъ и существеннымъ, и потому, т. к. все же каждый разъ на чемъ-нибудь *надо* остановиться, то г. Иванову приходится останавливаться на случайныхъ примѣрахъ, часто вовсе незначительныхъ.

Г. Ивановъ, повидимому, не понимаетъ, что если бы онъ *впрямь* работалъ чисто-эмпирическимъ методомъ, то онъ не могъ бы высказать ни одного сужденія. И вотъ, при всякомъ *подлинномъ* и важномъ вопросѣ, когда явнымъ дѣлается что его безъ общихъ принципіальныхъ основаній не рѣшить, Авторъ скромно предоставляетъ его „философіи“ и „религіи“. Когда же подымается вопросъ второстепенный, то таковой *рѣшается*,—на основѣ туманныхъ положеній, просочившихся изъ разныхъ системъ метафизики въ обывательскую философію. Къ сожалѣнію, и большинство трудовъ, которыми пользуется нашъ Авторъ, страдаютъ тѣмъ же обывательско-философскимъ складомъ своего жизненопиманія. Вотъ почему, упрекая въ этой сомнительнаго достоинства философіи г. Иванова, я не хотѣлъ бы ставить таковую въ вину *лично* ему: онъ лишь поддался общему духу психологическихъ изслѣдованій.

Другимъ недостаткомъ, тоже связаннымъ съ неотчетливостью логической структуры сочиненія, должно признать многопечительность нашего Автора. Вѣроятно, добрая половина изъ того, что пишетъ онъ, не относится къ темѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ Авторъ говоритъ и о безсознательномъ вообще, и о психологіи дѣтства, и о психологіи женщины и т. д. и т. д., то расширяя границы своего изслѣдованія до границъ религіозной психологіи, то заходя и за нихъ, въ область общей психологіи. Это многоглаголаніе мѣшаетъ ему болѣе сосредоточить свое вниманіе на религіозныхъ обращеніяхъ и болѣе глубоко обдумать это явленіе религіозной жизни.—Тѣмъ не менѣе, сочиненіе г. Иванова показываетъ работоспособность и любовь къ научному изслѣдованію.

Степени кандидата оно заслуживаетъ“.

20) О сочиненіи студента *Юнина Александра* на тему: „Исторія русскаго монашества съ начала XVIII вѣка до настоящаго времени“.

а) Ректора Академіи *Епископа Авдодора*:

„Небольшое по объему сочинение г. Юнина (I—XXXV: 1—265) въ строгомъ смыслѣ слова не можетъ претендовать на названіе „ученаго труда“ по исторіи русскаго монашества; это скорѣе литературный очеркъ, посвященный характеристикѣ русскаго монашества съ внѣшней и внутренней стороны въ указанный темой періодъ и сдѣланный на основаніи журнальныхъ статей, монографій, брошюръ и изслѣдованій, посвященныхъ вопросамъ русской церковной исторіи и въ частности монашеству. Нужно отдать должную честь автору, что пособія и источники для своей работы онъ собралъ и изучилъ весьма добросовѣстно, списокъ ихъ въ началѣ его сочиненія занимаетъ цѣлыхъ 14 страницъ; мы бы указали ему здѣсь одинъ недочетъ: авторъ не отдѣлилъ „источниковъ“ въ строгомъ смыслѣ слова отъ „пособій“, потому-ли, что онъ самъ ихъ не различаетъ, или м. б. потому, что „источниковъ“ въ строгомъ смыслѣ этого слова у него нѣтъ и поэтому авторъ въ своемъ сочиненіи говоритъ не словами древнихъ актовъ, документовъ и лѣтописныхъ данныхъ, а словами тѣхъ авторовъ, сочиненія коихъ онъ имѣлъ подъ руками.

Весь матеріалъ, добытый авторомъ изъ многочисленныхъ пособій, распредѣляется имъ и излагается по плану вполне естественному и удобному въ изслѣдованіяхъ подобныхъ сочиненію автора: въ сочиненіи имѣется два главныхъ отдѣла или части: 1-я часть должна изображать внѣшнюю исторію монашества, 2-я—внутреннюю. Что-же авторъ разумѣетъ подъ первой стороною жизни монашества и что подъ второй?

„Внѣшняя исторія, говоритъ авторъ, характеризуется тѣми внѣшними перемѣнами, которыя происходили за этотъ періодъ въ состояніи монашества подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ правительственныхъ и церковныхъ законодательствъ и распоряженій; а внутренняя сторона характеризуется тѣми или другими усилками христіанскаго иноческаго благочестія, той или другой высотой нравственной иноческой жизни“ (см. введеніе XV стр). Такъ авторъ и думаетъ сдѣлать въ своемъ сочиненіи, предполагая въ 1-й части его (1—102 стр.) изложить правительственныя законодательства относительно монашества и ихъ вліяніе на состояніе монастырей и монашества, а во 2-й „изложить внутреннюю исторію монаше-

своей жизни и успѣхн христіанскаго благочестія иноковъ“ (стр. XXII—XXIII введенія).

Если обратиться къ самому сочиненію, то можно сказать, что авторъ въ общемъ вѣренъ своему плану работы и тому пониманію, какое онъ высказалъ о задачахъ характеристики внѣшней и внутренней стороны монашества, хотя въ 1-й части своего труда всю тяжесть работы перенесъ къ характеристикѣ *чисто правового* положенія монастырей при Петрѣ Вел. (1 гл.), Аннѣ Іоанновнѣ (2 гл.), Елизаветѣ Петр. (3 гл.), Екатеринѣ II (IV гл.) и при императорахъ 19 вѣка (V гл.) въ ущербъ болѣе или менѣе подробнаго и исторически точнаго изображенія бытовой его стороны въ смыслѣ роста или сокращенія обитателей и проч. А во второй части сочиненія авторъ сосредоточилъ исключительное вниманіе на нѣкоторыхъ выдающихся обителяхъ этого періода (Санаксарская, монашество въ Брынскихъ и Рославльскихъ лѣсахъ—1 гл. 2-й части; Саровская Пустынь—II гл., Валаамъ—IV гл., Оптина Пустынь—VI гл.) и на замѣчательныхъ подвижникахъ того времени (Преп. Серафимъ, старецъ Паисій Величковскій), изображая внѣшнюю исторію и состояніе первыхъ и біографію вторыхъ въ ущербъ прямой задачѣ:—говорить о внутренней сторонѣ монашества, объ успѣхахъ христіанскаго благочестія иноковъ, какъ онъ самъ понимаетъ эту задачу (см. введ. стр. XXIII).

Конечно это легко объясняется тѣмъ, что о каждой изъ указанныхъ авторомъ обителей и объ упомянутыхъ старцахъ есть много брошюръ и изданій, характера чисто внѣшне историческаго и біографическаго. Нужно впрочемъ сказать, что какъ 1-я, такъ и 2-я часть сочиненія автора въ тѣхъ рамкахъ, въ кои онѣ имъ поставлены фактически, а не предположительно, выполнены вполне добросовѣстно и успѣшно. Какъ въ 1-й части, хотя кратко, но вполне толково и определенно изложены всѣ данныя, касающіяся мѣропріятій правительства относительно монашества (начиная съ Петра В.), и указаны ихъ послѣдствія на внѣшней и внутренней сторонѣ монашества, такъ и во 2-й части даны вполне яркіе очерки изъ исторіи быта вошедшихъ сюда русскихъ обителей и характеристики духовнаго величія и вліянія на монашество преп. Серафима и старца Паисія Величковскаго.

Кромѣ сего авторъ на стр. 218—265 своего сочиненія

дѣлаетъ еще обзоръ миссіонерской, благотворительной и просвѣтительной дѣятельности монашества указаннаго періода. Этимъ онъ прекрасно дополняетъ свою работу, расширяя тѣ рамки, въ кои онъ предполагалъ поставить характеристику внутренней стороны монашеской жизни.

Таковы общія замѣчанія о работѣ автора, Изъ частности можно указать на нѣкоторую сбивчивость сужденій автора о причинахъ упадка монашеской жизни. Во 2-й части своего сочиненія онъ считаетъ 'бѣдность монастырей причиной ихъ нравственнаго упадка (стр. 106), а въ 1-й части говорить, что *благоустройство* ихъ развращало монашескую жизнь.

Конечно справедливо и то и другое въ извѣстной мѣрѣ и степени, но лучше было автору точнѣе и обстоятельнѣе это выяснить.

На стр. 121 и 127 у автора несомнѣнная хронологическая путаница о времени прихода въ Санаксарскую обитель старца Теодора Ушакова и времени ея упадка посты оставленія имъ этой обители.

Что касается языка автора и вообще литературной стороны его сочиненія, то они вполне удовлетворительны. Степени кандидата богословія авторъ вполне заслуживаетъ“.

б) И. д. доцента А. М. Туберовскаго:

„Если авторъ—мірянинъ и пишетъ о монашествѣ, то ясно,—предметъ этотъ интересуется его. Предполагая въ авторѣ интересъ къ исторіи монашества, мы и будемъ разсматривать работу г. Юнина съ этой точки зрѣнія.

Каждый предметъ можетъ интересовать изслѣдователя съ двухъ сторонъ: внѣшней и внутренней. То же мы имѣемъ и въ работѣ г. Юнина. Онъ пишетъ двойную исторію русскаго монашества: внѣшнюю и внутреннюю, соответственно чему дѣлитъ свое сочиненіе на двѣ части. Но, какъ и слѣдовало ожидать, въ сочиненіи, написанномъ по Аскетикѣ, а не по Русской Церковной Исторіи, внутренняя сторона должна была по-преимуществу овладѣть вниманіемъ автора, внѣшняя же постольку, поскольку она органически связана съ тою. И авторъ, чувствуя долгъ такого именно отношенія къ темѣ, удѣляетъ внутренней исторіи монашества въ Россіи съ вачала XVIII вѣка до настоящаго времени гораздо больше

вниманія и мѣста, чѣмъ внѣшней—на 61 стр.—при 102 стр., посвященныхъ внѣшней исторіи монастыря (102+102+61). На эту, соотвѣтствующую главному интересу автора, часть сочиненія направимъ и мы свое вниманіе *κατ' ἐξοχήν*.

Отъ изслѣдователя, интересующагося своимъ предметомъ, мы въ правѣ желать, чтобы изучаемый имъ вопросъ былъ рассмотрѣнъ всесторонне. Но этой желаемой полноты въ сочиненіи г. Юнина, къ сожалѣнію, и нѣтъ. Правда, авторомъ названо до 120 источниковъ и пособій—цифра для курсовой работы весьма почтенная—но, требуется замѣтить, нѣкоторыя изъ перечисленныхъ книгъ использованы настолько поверхностно („Лавсаикъ“, „Живыя души“ и др.), что цитация ихъ могла имѣть характеръ только простого украшенія. Между тѣмъ, автору остались совершенно невѣдомыми такія капитальныя вещи по изслѣдуемому вопросу, какъ творенія епископа Теофана-затворника, представляющія богатѣйшую идеологию монастыря; арх. Серафима—Тѣтопись Серафимо-Дивѣвскаго монастыря; Житія русскихъ подвижниковъ—эти Четыи-Минеи—XIX вѣка въ изданіи Русскаго Пантелеимонова монастыря; и такія интересныя, какъ изданія еп. Никона (напр. „Троицкое Слово“), Нилуса („Великое въ маломъ“ и др.) или „На горахъ Кавказа“—схимонаха Иларіона, поскольку въ этой послѣдней книгѣ рисуется бытѣ Новоаѳонскаго пустынножителства.

Далѣе, авторомъ не обзрѣны всѣ главнѣйшіе очаги истинно-монашеской жизни. Саровъ съ его великимъ Серафимомъ, Валаамъ, Оптина—указаны, но совсѣмъ не затронуты, какъ бы просмотрѣны: Задонскъ съ его Святителемъ—аскетомъ Тихономъ и мн. др. подвижниками; Русскій Пантелеимоновъ монастырь на Аѳонѣ (вѣдь упомянуть же Нямецкій монастырь съ его великимъ старцемъ Паисіемъ); Александро-Невская и Троице-Сергіева лавры обзрѣны только съ внѣшней стороны; Почаевская лавра даже вовсе не упомянута. Нѣтъ желательной полноты и въ обрисовкѣ главныхъ „героевъ“ русскаго подвижничества взятой авторомъ эпохи. Преподобный Серафимъ, на житіи котораго дольше всѣхъ остальныхъ подвижниковъ сосредоточивается авторъ, какъ-бы не извѣстенъ автору со стороны столь знаменательныхъ въ благодатно-мистическомъ отношеніи фактовъ, какъ явленіе ему Христа въ ликахъ ангельскихъ на литургіи Великаго

Четверга, посѣщеніе его Пресв. Богородицей. Ни слова также не сказано объ участиі Пр. Серафима въ устроеніи Дивѣвской обители,—этой своего рода женской лавры. Вообще о женскомъ монашествѣ сказано очень мало, почти ничего. Ни слова также о старцахъ: Варнавѣ и Порфиріи, одна близость могиль которыхъ должна была бы побуждать автора говорить о нихъ. Нѣтъ также рѣчи ни объ ученоемъ монашествѣ, ни о монашескомъ съѣздѣ, ни о монашескомъ журналѣ и др. подобныхъ явленіяхъ монашеской жизни въ Россіи послѣдняго времени.

Но что особенно удивляетъ второго рецензента, это—молчаніе автора о величайшемъ представителѣ не только ученаго, но и келейнаго вмѣстѣ съ тѣмъ монашества послѣдняго времени—епископѣ Теофанѣ—затворникѣ, въ личности котораго такъ счастливо сочетались и святоотеческое міросозерцаніе, и древне-подвижническій образъ жизни, и европейская ученость XIX вѣка. Дѣятельность же его—литературная, старческая (въ письмахъ), переводческая не только не уступаетъ, но и превосходитъ, не умаляя, конечно, цѣнности, труды и Паисія Величковскаго, и Макарія Оптинскаго. И если въ исторіи русскаго монашества кто можетъ быть названъ за послѣднее время эпохо-образующею личностію, то именно Вышинскій затворникъ—епископъ Теофанъ.

Такимъ образомъ, картина внутренняго состоянія русскаго монашества съ начала XVIII вѣка до настоящаго времени получается въ сочиненіи г. Іонина далеко не полная. Однако, нельзя отрицать, что авторъ потрудился не мало и, въ мѣру своего интереса къ предмету, не безрезультатно: степени кандидата богословія вполне заслуживаетъ.“

21) О сочиненіи студента *Канделаки Мелхиседека* на тему: „Нравственно—аскетическій идеаль по воззрѣнію св. Василія Великаго“.

а) Ректора Академіи *Епископа Осодора*:

Задача сочиненія очень не сложная: изучить творенія св. Василія В., выбрать изъ нихъ все касающееся вопроса о подвижничествѣ и привести въ систему. Отсюда получаетъ особенное значеніе самый планъ или схема, по которой авторъ изложилъ-бы весь добытый матеріаль, придавъ изложе-

нiю стройность послѣдовательности и исчерпывающую полноту изложенiя мыслей св. отца. Другая сторона дѣла, опредѣляющая самую его внутреннюю цѣнность и качественную пробу, это—исчерпывающiй всю внутреннюю глубину и содержанiе мыслей св. отца анализъ автора и построение системы не только по внѣшней рамкѣ плана, а и по внутренней послѣдовательности и соотношенiю самыхъ идей св. отца и воссозданiе его сколько живого, столько же и теоретически - стройнаго, логически - цѣльнаго мировоззрѣнiя. Что касается плана автора, по которому онъ намѣтилъ вести раскрытiе аскетическаго мировоззрѣнiя св. Вас. В., то въ общемъ онъ можетъ гарантировать построение цѣльной системы мыслей извѣстнаго автора и въ частности мыслей св. Вас. Вел.; только планъ этотъ не использованъ авторомъ умѣло, съ пользой для самаго дѣла.

Такъ, напр., въ предисловіи автору было-бы гораздо естественнѣе указать, почему онъ выбираетъ изъ всей массы литературнаго достоянiя, оставленнаго Великимъ отцомъ, только касающееся аскетики; по крайней мѣрѣ нужно было оправдать самую тему, указавъ, какое мѣсто и значенiе во всей жизни и письменности Вас. Вел. имѣли аскетическія тенденціи—они для него характерны по преимуществу; а авторъ сказалъ только кратко о величii личности Василія Вел. среди отцовъ Востока и о его значенiи для прав. Церкви; это можно говорить и по всякому другому поводу, независимо отъ темы сочиненiя.

Далѣе, введенiе посвящается авторомъ біографіи св. Василія Великаго, біографіи д. краткой, исполнѣ для даннаго сочиненiя достаточной въ смыслѣ обычныхъ свѣдѣнiй о жизни св. отца, но далеко не достаточной для спеціальной задачи сочиненiя: раскрыть аскетическое настроенiе св. Василія Вел. Автору необходимо было остановиться вниманiемъ на аскетическомъ періодѣ жизни св. Василія Вел. и здѣсь искать уясненiя тѣхъ идей аскетическихъ, кои вошли въ сочиненiя автора; нужно было показать, что такое аскетизмъ былъ для самаго Василія Вел. Здѣсь-же въ біографіи умѣстно было-бы автору перечислить хотя кратко труды св. Вас. Вел. и особенно аскетическіе, коими авторъ пользуется для построения системы аскет. идей св. отца. У автора даже этого нѣтъ; а есть только одно довольно наивное замѣчанiе, что между

сочиненіями св. Василия Вел. и имъ самимъ есть „удивительная связь“ (стр. 34), что его сочиненія дошли до насъ въ 7-ми обширныхъ томахъ, а біографами св. Вас. Вел. являются прот. Горскій, Фарраръ и Арх. Порфирій.

Глава 1-я посвящается авторомъ вопросу объ аскетизмѣ, какъ явленіи всеобщемъ, и дѣлается попытка доказать самостоятельность христіанскаго аскетизма, и его полную независимость (въ смыслѣ происхожденія) отъ аскетизма древнихъ языческихъ религіозныхъ и философскихъ ученій. Вопросъ, конечно, самъ по себѣ чрезвычайно важный и интересный, но почему его нужно затрогивать при изложеніи аскетическихъ идей св. Василия Вел.,—авторъ не поясняетъ и конечно лучше было его не затрогивать, такъ какъ что же можно сказать серьезнаго и цѣннаго на 14 стр., которыя авторъ отводитъ въ своемъ сочиненіи этому вопросу (46—60 стр. соч.). И то, что онъ говоритъ въ этой главѣ, частію умѣстнѣе было говорить во введеніи, это переченъ аскетическихъ трудовъ (литературныхъ) св. Василия Великаго, а частію умѣстнѣе было совсѣмъ не говорить или говорить иначе. Краткимъ обзорѣніемъ подвижничества, какъ явленія историческаго, авторъ несомнѣнно имѣлъ въ виду доказать важность вопроса объ аскетизмѣ, но это онъ могъ сдѣлать съ большимъ удобствомъ другимъ путемъ, ставя этотъ вопросъ не на широкую историческую почву, которую онъ все равно оставилъ фактически, какъ ему непосильную работу, а на почву принципиальнаго уясненія мѣста подвижничества въ кругѣ специально-христіанскихъ идей и началъ христіанской жизни. Было-бы гораздо лучше и цѣлесообразнѣе первую главу сочиненія сдѣлать общей вводной характеристикой аскетическихъ твореній св. Василия Великаго. Тогда б. можетъ авторъ избѣжалъ бы такихъ неопредѣленныхъ и неточныхъ опредѣленій аскетизма, какія онъ допускаетъ, напр., на стр. 48, говоря: „вообще въ христіанствѣ слово „аскетизмъ“ обозначаетъ дѣятельное осуществленіе христіаниномъ религіозно—нрав. совершенства путемъ неустанной борьбы съ различными препятствіями“, и совершенно общихъ фразъ въ родѣ слѣдующей: „описаніе жизни индійскихъ факировъ, всячески истязавшихъ себя, встрѣчается на первыхъ страницахъ исторіи религіи“. Какой-же такой исторіи религіи?

Самыя важныя главы сочиненія 2 и 3; въ нихъ и должна быть выпукло и цѣлостно изображена система аскетическихъ воззрѣній св. Василія В. Авторъ такъ и озаглавливаетъ эту часть сочиненія: аскетизмъ въ твореніяхъ св. Василія В. и антропологическая основа аскетизма въ твореніяхъ Вас. В. (2 гл.), затѣмъ осуществленіе христіанскаго аскетизма въ твореніяхъ св. Вас. Вел. и тождественность аскетическаго идеала съ общехристіанскимъ идеаломъ святости (3 гл.). На самомъ дѣлѣ авторъ въ началѣ 2-й гл. совершенно не на тему затѣмъ-то говорить о причинахъ „распространенія аскетизма въ IV в.“, указывая двѣ причины: положительную и отрицательную; понимая подъ первой стремленіе къ строгой жизни, а подъ второй—упадокъ нравственности въ христіанскомъ обществѣ (стр. 60—61). Этотъ обходъ въ рѣшеніи вопроса авторъ сдѣлалъ конечно потому, что рѣшеніе вопроса о причинахъ христ. аскетизма въ смыслѣ самой причины его бытія необходимо повело бы его въ глубины антропологическаго вопроса, какъ онъ рѣшается у св. Василія Вел. Авторъ избралъ болѣе легкое и уклонился отъ серьезно и вѣрно поставленнаго вопроса, почему вопросъ объ антропологической природѣ аскетизма остался у него неразработаннымъ.

Авторъ только конспективно указалъ различіе состоянія человѣка до и послѣ грѣхопаденія, а почему возвращеніе падшаго человѣка къ Богу должно совершаться и можетъ совершаться только чрезъ подвигъ, предоставляется читателю судить самому. Никакаго психологическаго анализа у автора нѣтъ. Вотъ почему въ 3-й гл. авторъ и не можетъ указать точно и опредѣленно, въ чемъ же нужно полагать исходное начало подвижничества: въ страхѣ или въ любви къ Богу (80 стр.). Авторъ забываетъ, что нужно различать *исходный моментъ въ возникновеніи* самаго желанія подвига и *мотивы добродѣтельной жизни*. И самый ходъ или процессъ подвижнической жизни авторомъ не обозрѣвается въ послѣдовательности основныхъ моментовъ, а просто безъ всякой системы говорится о самоотреченіи, которое авторъ почему то различаетъ отъ „самоотверженія“, указывая въ качествѣ моментовъ „самоотреченія“ отказъ отъ міра, отъ имущества, отъ брака, а потомъ прямо говорить о страстяхъ (96—97 стр.), не опредѣляя ихъ по существу. У автора въ сочиненіи больше

лирики, нежели психологии тамъ, гдѣ дѣло касается психологии. У автора просто въ разброску говорится о разныхъ явленіяхъ подвижнической жизни: о борьбѣ со страстями, о самособранности (почему?) какъ о главномъ средствѣ въ борьбѣ со страстями, о смиреніи, о трудѣ и воздержаніи тѣлесномъ, о молитвѣ и т. д. Этимъ разрозненнымъ матеріаломъ и наполнены у автора двѣ самыя важныя главы сочиненія.

Послѣдняя IV гл. говоритъ собственно о монашествѣ какъ болѣе удобной формѣ прохожденія аскетическаго пути. Но оправданіе монашества въ этомъ именно смыслѣ сдѣлано очень кратко. Закачивается сочиненіе описаніемъ Понтійской обители св. Василія В., которое нужно бы лучше сдѣлать въ началѣ сочиненія: это выяснило бы наглядно идеалъ монашеской жизни по Вас. Вел., а далѣе пришлось-бы дѣлать только подтвержденіе этого и раскрытіе писаніями св. отца.

Таковъ общій характеръ и содержаніе сочиненія г. Кандеяки.

Въ одномъ мы не можемъ отказать ему: въ добросовѣстномъ изученіи твореній св. Вас. Вел. и литературы своего предмета. Степени кандидата богословія за свое сочиненіе авторъ достоинъ“.

б) И. д. доцента священника *И. В. Гумилевскаго*:

„Автору слѣдовало изображать нравственно—аскетическій идеалъ, исходя: или изъ своеобразно—аскетическаго пониманія св. Василиемъ Великимъ священнаго Писанія, или изъ его антропологическихъ воззрѣній, или изъ характеристики Великаго святителя, изображая нравственно—аскетическій идеалъ его воззрѣній, какъ органическій продуктъ его личности. Авторъ уклонился отъ такой постановки вопроса: поэтому, „нравственно—аскетическій идеалъ по воззрѣнію св. Василия Великаго“ подъ перомъ автора не получилъ никакого выраженія: его сочиненіе представляетъ простую попытку систематизировать этическія воззрѣнія св. Василия Великаго безъ всякаго отношенія къ идеалу. Опытъ автора нельзя признать удавшимся и съ точки зрѣнія системы, такъ какъ въ немъ отсутствуетъ объединяющій принципъ, исходя изъ котораго авторъ построилъ бы съ логическою послѣдовательностью этику Великаго учи-

теля. Къ частнымъ недостаткамъ слѣдуетъ отнести: общія мѣста (стр. 3, 50), неточности (стр. 4—5, 55), вульгаризмы (стр. 27), а, главное, невясненность употребляемыхъ понятій. Такъ, на примѣръ: стр. 54: аскетизмъ „вошелъ въ христіанство“ и здѣсь же говорится, что „онъ вытекаетъ изъ самой сущности христіанства“; стр. 60: хр. аскетизмъ—„оригинальная форма жизни“, а на стр. 63 говорится, что эта форма *возрѣвается* (?) чрезъ желаніе избѣгать „суеты“; вторая глава, между прочимъ, озаглавливается такъ: „Антропологическая основа хр. аскетизма въ твореніяхъ св. Василія Великаго“, тогда какъ самое содержаніе главы (стр. 60—77) не имѣетъ никакого отношенія къ антропологии; исходнымъ началомъ аскетизма называется то страхъ Божій (стр. 79), то любовь (стр. 80); самоотверженіе составляетъ сущность любви, оно же—признакъ любви, тогда какъ самоотреченіе, являясь такимъ же признакомъ любви, предшествуетъ любви (стр. 90).

Принимая во вниманіе неразработанность антропологии, психологии и экзегезиса въ ученіи святыхъ Отцевъ вообще и, въ частности, въ ученіи св. Василія Великаго, а, въ силу этого, неразработанность и самой аскетики, какъ науки, трудъ автора, какъ попытка разобратъ въ очень сложномъ и трудномъ вопросѣ и изложить его по опредѣленному плану съ явнымъ желаніемъ найти въ аскетической жизни практическое оправданіе христіанства—можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ и заслуживающимъ ученой степени кандидата богословія“.

22) О сочиненіи студента *Кореневского Анатолія* на тему: „Средневѣковыя путешествія христіанъ и іудеевъ на Востокъ и ихъ значеніе для библейской археологии“.

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе г. Кореневского состоитъ изъ введенія, 6 главъ (частей) и заключенія. Къ работѣ присоединены 2 составленныхъ г. Кореневскимъ карты и 2 плана. Введеніе пытается дать общее понятіе о Палестинѣ и содержитъ библиографическій матеріалъ къ изслѣдуемому въ сочиненіи вопросу. Слѣдующія за введеніемъ 6 частей (главъ) сочиненія

посвящены изложенію данныхъ путешествій Бордосскаго пилигрима (333 г.), Павлія (382—384), Евхерія (полов. 5 вѣка), Θεодосія (1 четверть 6 вѣка), Іоанна Польскаго (15 вѣка),—по изданію Тоблера. Какъ видно, всѣ разсмотрѣнныя г. Кореневскимъ путешествія западныхъ христіанъ по датированію ихъ могутъ быть названы средневѣковыми, только замѣтенъ скачекъ съ 6 вѣка на пятнадцатый, замыкающій средневѣковье, что объясняется недостаткомъ времени, бывшаго въ распоряженіи писавшаго, а съ другой стороны умноженіемъ описаній путешествій за 7 и слѣдующіе вѣка. Эти описанія составлялись на варварской средневѣковой латыни, изобилующей неологизмами сравнительно съ классическимъ языкомъ и испещренной провинціализмами отечества путешественника, нерѣдко въ видѣ латино—мѣстныхъ гибриднистическихъ образованій. Чтеніе такихъ описаній путешествій, шире дневниковъ, требовало бы долгой лингвистической подготовки. Эти итинераріи проходили главнымъ образомъ изъ Италіи, которая начала собирать, издавать и снова отыскивать въ своихъ богатыхъ бібліотекахъ сказанія паломниковъ, цѣня въ нихъ памятники національнаго языка и литературы—*testi di lingua*. Такъ и вообще на западѣ изученіе и систематизація фольклора послужили въ пользу и установленію данныхъ о Палестинѣ по народнымъ средневѣковымъ сказаніямъ и въ частности выдвинули забытые итинераріи. 6 глава въ сочиненіи г. Коренева посвящена даннымъ путешествія еврея Веніамина Тудельскаго изъ 12 вѣка. Къ сожалѣнію авторъ опустилъ описанія путешествій Эльдада—бенъ Махли и Цетахія Регенбургскаго, а поэтому у него оказалось недостаточно данныхъ для сравненія итинераріи христіанъ съ описаніями путешествій, совершенныхъ евреями, а это отразилось на заключительномъ отдѣлѣ, гдѣ требовалось бы болѣе тщательно и детально сопоставить и взвѣснить археологическую цѣнность сообщеній тѣхъ и другихъ путешественниковъ, визитировавшихъ востокъ и Святую землю.

Въ виду того, что всѣ подлежащія изученію г. Коренева тексты путешествій должны были быть читаны имъ въ оригиналь, ему пришлось затратить на ознакомленіе съ ними весьма много времени, положить не мало энергій и труда: рецензенту извѣстны случаи обращенія къ нему

писавшаго, когда бесплодно дѣлались розыски точнаго значенія словъ по вѣдѣмымъ наличнымъ латинскимъ словарямъ. Затрата энергій на одномъ дѣлѣ отчасти парализовала усердіе писавшаго на другомъ—при анализѣ содержанія путешествій. Этимъ объясняется неравномѣрность въ комментированіи текста путешествій, приведеннаго полностью (въ русскомъ переводѣ) въ рецензируемомъ сочиненіи: наилучше комментировано въ археологическомъ отношеніи путешествіе Павлы, къ которому относится и составленная г. Корневымъ карта,—совсѣмъ оставлено безъ комментарія путешествіе Іоанна Польскаго. Научный удѣльный вѣсъ сочиненія лежитъ, конечно, въ комментирующихъ текстъ путешествій примѣчаніяхъ, придающихъ многимъ страницамъ сочиненія г. Корневого видъ двухъэтажной постройки, только напрасно авторъ приводитъ еврейскія слова (главнымъ образомъ названія мѣстностей) не въ транскрипціи, а въ подлинной графикѣ, которою онъ безусловно не владѣетъ, разставляя знаки вокализации *ad libitum manus*. Изяснительныя примѣчанія къ тексту приведенныхъ г. Корневымъ путешествій замѣтуются имъ изъ пособій, именованныхъ въ работѣ, особенно изъ капитальныхъ трудовъ Олесницкаго, отчасти и изъ иностранныхъ, и носятъ по преимуществу географическій и естественно—историческій характеръ, но съ тѣхъ поръ, какъ Библейская Археологія заключила въ себя и эти вѣтви знанія, Билбейскую географію и Библейское природовѣдѣніе, есть полное основаніе признавать справки, подобныя сдѣланнымъ г. Корневымъ за справки археологическія.

Хотя въ работѣ г. Корневого описательное изложеніе преобладаетъ надъ критическимъ, а въ виду слабаго знакомства автора съ средневѣковыми путешествіями евреевъ и сравненіе, требовавшееся характеромъ темы, представлено блѣдно, въ самыхъ общихъ контурахъ, однако, принимая во вниманіе усердіе писавшаго и обнаруженный имъ интересъ къ темѣ, должно признать его вполне заслуживающимъ кандидатской степени“.

б) И. д. доцента іеромонаха Вароламея [Релова]:

„Очень небольшое по объему (246 стр. разгонистаго шисьма) сочиненіе г. Корневого не отличается и богат-

львомъ содержанія. Авторъ очень скромнъ въ своей работѣ: ему дѣлаетъ честь то, что онъ не говоритъ языкомъ авторитетнымъ, что онъ сознаетъ недостаточность изученнаго имъ матеріала и недостаточность потраченной имъ работы.

Г. Кореневскій односторонне увлекся переводомъ съ латинскаго путешествій—паломничества. Но почему же онъ, сознавая всю трудность для себя переводовъ съ латинскаго и имѣя возможность свободно читать по-русски, не искалъ въ русской переводной литературѣ соотвѣствующихъ „источниковъ“? Вѣдь есть же и на русскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ довольно много путешествій (напр. Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 2, 3, 9, 11, 12, 20, 23, 40, 51; Путешествія трехъ Еврейскихъ путешественниковъ XI и XII в.—(П. В. Марголина)—СПб. 1881). И все-таки авторъ, неизвѣстно почему, игнорируетъ доступный ему матеріалъ и занимается никому ненужнымъ и крайне неумѣлымъ переводомъ съ латинскаго. Неизвѣстно далѣе, почему г. Кореневскій выбралъ путешествія относящіяся только къ началу и къ самому концу среднихъ вѣковъ и почему изъ трехъ извѣстныхъ ему іудейскихъ итинераріевъ взялъ только одинъ. Переводъ получился довольно неудачный [см. особенно стр. 93 (солнце *справедливости*), 134 (*Геродъ*, царь Іудейскій), 143, 144, 152, 153, 155 („Игольная дыра!“), 159 („столовая“ вмѣсто „горница“), 167 (Младенецъ Іисусъ „почтенъ магами и обожаемъ пастухами“), 169—174, 181—190, 195—196, 200—202, 204 (Назаретъ—сродный городъ Спасителя), 206, 208, 211, 217, 220, 226]. Для характеристики перевода вотъ одна выразительная цитата изъ „Описанія Святой Земли Іоанна Польскаго (15 в.). На стр. 160—161 своего труда г. Кореневскій переводитъ: „Вблизи вышеупомянутой крѣпости (Давидовой) въ разстояніи брошеннаго камня есть мѣсто, гдѣ Магдалина вышла навстрѣчу блаженной дѣвицѣ, повѣщая (?) ей, что сынъ ея оживетъ и воскреснетъ отъ смерти. Тамъ же Христосъ явился тремъ Маріямъ, говоря: „Здравствуйте!“ Особенно поражаетъ рецензента неумѣнье перевести такой классическій терминъ, какъ „*beata virgo*“—конечно, не „благенная дѣвица“, а „Пресвятая Дѣва“...

Въ заключеніе своей работы г. Кореневскій „подводитъ

итогъ всему сказанному“ (стр. 240). Но подводить итогъ нечему. Авторъ жалуется на недостатокъ времени и трудность перевода съ латинскаго (стр. 245—246). Но рецензентъ съ болью душевною долженъ признать, что эти жалобы г. Кореневскаго—его печальное *testimonium paupertatis*. Сравнительно лучше введеііе нашего автора, трактующее объ усиленіи интереса къ Палестиновѣдѣнію въ 19 вѣкѣ. Но почему авторъ ни однимъ замѣчаніемъ не показываетъ, откуда онъ почерпнулъ свой матеріаль „библіографическаго обзорѣнія“ (такъ называетъ авторъ этотъ свой очеркъ) и почему его изложеніе изобилуетъ дефектами съ точки зрѣнія русской грамматики?...

Такъ авторъ за переводами своими опустилъ вполне открывавшуюся для него возможность и доступность самаго широкаго анализа и сравненія имѣющагося на русскомъ языкѣ матеріала описаній святой земли (и вообще святаго Востока). Признавая возможнымъ удостоить г. Кореневскаго степени кандидата богословія, мы очень жалѣемъ, что свой трудъ и энергію авторъ приложилъ совсѣмъ не туда, гдѣ это было бы полезно и могло бы привести къ серьезнымъ научнымъ результатамъ“.

23) О сочиненіи студента *Кочанова Николая* на тему: „Книга Притчей Соломона, какъ памятникъ древне-еврейскаго языка и ветхозавѣтной священной письменности“.

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе г. Кочанова открывается введеііемъ, гдѣ авторъ сообщаетъ данныя о названіи подлежавшей его изученію книги, объ ея каноничности, составѣ и содержаніи, объ ея священномъ писателѣ и датѣ. Далѣе идутъ 6 главъ, имѣющихъ послѣдовательно дѣлю: 1) съ текстологіею книги Притчей (варианты въ манускриптахъ, текстъ въ рукошняхъ Вавилонской пунктуациі), 2) съ слѣдами древнѣйшей акцентуациі въ книгѣ Притчей (рѣчь о песикѣ и легармѣ). 3) съ особенностями орфографіи книги Притчей (евфоническій дагешъ, пассивный маккефъ), съ морфологіею и синтаксисомъ ея языка. 4) съ лексикономъ книги Притчей, (*אלף לעובדעא, אלף חסידועא*, арамаизмы, арабизмы),—изслѣдуя

лексиконъ книги Притчей, авторъ имѣеть помимо тѣснолингвистической и апологетическую задачу — показать единство языка въ изучаемой имъ книгѣ, 5) со стилистикою книги Притчей, особенно съ находящимися въ ней сравненіями и съ колоритомъ ея рѣчи предъ судомъ эстетической критики, и въ 6) съ синонимикою по даннымъ кн. Притчей.

Какъ цѣлое, трудъ г. Кочанова—явленіе выдающееся, не только какъ курсовая студенческая работа, но и какъ по-длинно научное, чуждое какихъ бы то ни было слѣдовъ компиляціи сочиненіе. Изученіе формацій библейскаго еврейскаго языка, попытки установленія здѣсь хронологической стратификаціи—дѣло новое, только нарождающееся и на многоученомъ западѣ, обычно дарившемъ насъ исключительно тощими отдѣлами „объ языкѣ памятника“ въ частныхъ введеніяхъ къ библейскимъ книгамъ. Наилучше изучался языкъ Пятикнижія по причинѣ гипотезы діаскевазма, языкъ же агіографовъ и пророковъ (исключеніе Исаія) наименѣе изученъ. Въ своей строго-гебраистической работѣ г. Кочановъ не имѣеть предшественниковъ въ почтенномъ лигѣ западныхъ ученыхъ, дававшихъ ему въ грамматическихъ и лексикальныхъ пособіяхъ только сырой матеріалъ для обработки.

Способность автора ориентироваться въ сложныхъ вопросахъ открывается: 1) изъ отдѣла о песикѣ и легармѣ въ исторіи акцентовъ въ библейскомъ текстѣ и вообще знаковъ внѣ вокаловъ, 2) изъ отдѣла, трактующаго синтаксисъ изучаемаго памятника, 3) изъ набросанной (только начатой для систематической обработки) синонимики. Образцовое трудолюбіе автора видно изъ отдѣла о лексиконѣ книги Притчей,—наблюденія надъ *אלף לערובעא* составляютъ весьма цѣнный кропотливый трудъ, способный украсить и любое западное гебраистическое изданіе по лексикологіи. Статистика формъ и микрологія въ области лексикальныхъ наблюденій—необходимые камни, лежащіе въ углѣ зданія исторіи языка. Вообще отъ грамматико-лексикологической части въ сочиненіи г. Кочанова рецензентъ вынесъ самое лучшее впечатлѣніе, дающее ему основаніе рекомендовать работу г. Кочанова поощрительному вниманію Совѣта Академіи.

Желая, чтобы отечественная гебраистическая наука въ трудѣ г. Кочанова получила самобытное сочиненіе въ забы-

той области исторіи ветхозавѣтнаго священнаго языка. рецензентъ рекомендуетъ г. Кочанову напечатать работу, сдѣлавъ дополненія и небольшія исправленія уже написаннаго. Во вступленіи желателенъ общій эскизъ исторіи священнаго языка,—умѣстенъ и перспективный взглядъ на историческія судьбы библейскаго языка, преобразовавшагося въ языкъ ученыхъ—лашонъ хахамимъ. Въ отдѣлѣ объ орѳографіи памятника нужно выдѣлить палеографическіе элементы, къ каковымъ относима рѣчь о *minuscula* и *majuscula* въ буквенномъ составѣ книги Притчей. Здѣсь дѣло объяснимо не особою орѳографіею памятника, а тѣмъ, что *textus receptus* воспроизводитъ манускриптъ, признанный авторитетнымъ архетипомъ священнаго текста,—по преданію свитокъ азары, гдѣ находились и агіографы для чтенія Первосвященникомъ въ навечеріе дня Очищенія, хотя синагога не имѣетъ Мишлэ въ числѣ авторизованныхъ для чтенія священныхъ книгъ. Въ отдѣлѣ объ арамаизмахъ нужно установить, какой это терминъ,—лексикальный (лексикографическій) или грамматическій, и сообразно этому классифицировать арамаистическій матеріалъ книги Притчей. Въ отдѣлѣ о стилѣ памятника, гдѣ г. Кочановъ столь блестяще обнаружилъ свою лингвистическую подготовленность къ грамматическому экзегезису, было бы полезно, помимо общихъ указаній Гербера въ „*Die Sprache als Kunst*“ и стилистическихъ схемъ у Volkmannъ въ „*Die Rhetorik der Griechen und Römer*“, даже помимо великаго въ своихъ гебранстическихъ трудахъ Кёнига, даващаго обширную стилистику и поэтику Библейскаго языка,—воспользоваться арабскою риторикою, по соподчиненности библейско-поэтическаго и арабскаго поэтическаго и высокопрозаическаго языка однимъ и тѣмъ же началамъ восточной аллегоризаціи и символизма. Равно слѣдуетъ г. Кочанову углубить и свои высоко интересныя наблюденія надъ измѣненіемъ смысла выраженій, напримѣръ—хеседъ то означаетъ милость, то—позоръ, или надъ уклоненіемъ глаголовъ отъ смысла кальной формы въ дальнѣйшихъ биньянахъ, напримѣръ,—ярашъ въ каль—наслѣдовать, а въ нифаль—бѣднѣть и т. п. Рецензентъ полагаетъ, что отчасти здѣсь дѣло въ разности корней, оказавшихся одинаково написанными, благодаря искусственному приспособленію письма розецъ къ богатому звуковому составу первобытнаго еврейскаго языка. т. н.

губы Ханаана; однако и искусное толкование под пером г. Кочанова носить печать глубокой оригинальности. Что касается до лексикальных арабизмовъ въ книгѣ Притчей, то ихъ удобнѣе разрѣшить въ инья лингвистическія формации.

Резюмируя все ранѣе сказанное, рецензентъ признаетъ работу г. Кочанова высоко полезной для богословской науки и заслуживающей наивысшей отмѣтки“.

б) И. д. доцента *іеромонаха Варволомея (Ремова)*:

„Рецензентъ настоящаго сочиненія, къ своему удовольствію, имѣетъ большое удовлетвореніе въ томъ, что къ изслѣдованію г. Кочанова онъ можетъ предъявить самыя строгія требованія. Здѣсь видна работа долгая, вдумчивая и серьезная, работа мысли зрѣлой и дисциплинированной, видно искусство заниматься съ отличной методологіей и при томъ сдержанно и цѣльно. Авторъ не разсѣивается мыслью по необозримымъ широтамъ науки. Онъ знаетъ, что *universitas litterarum* не достижима теперь для единичныхъ усилій: поэтому съ самаго начала академическаго курса, отмежевавъ для себя область оригинальнаго языка священной ветхозавѣтной письменности, онъ скромно беретъ для себя въ полѣ библейскаго знанія небольшой излюбленный имъ уголокъ, который съ усердіемъ и обрабатываетъ. И, нужно сказать, обрабатываетъ умѣло. Оцѣнивая сочиненіе г. Кочанова, такъ сказать, имманентно, рецензентъ ставитъ автору въ крупную заслугу методологическую и логическую сторону его сочиненія. Матеріаль, заключающійся въ сочиненіи, расположенъ въ немъ по строгому схематическому плану; матеріаль этотъ достаточно обилень, но онъ детально изучень, строго классифицированъ и представленъ авторомъ съ такою ясностью и определенностью, что для читателя много облегчается процессъ чтенія его труднаго по существу дѣла сочиненія, и сухая ученая матерія читается съ интересомъ. Немало способствуетъ этому впечатлѣнію языкъ сочиненія—простой и точный, ясный и мѣткій. Рецензентъ, конечно, считаетъ долгомъ указать автору менѣе удачныя въ стилистическомъ отношеніи страницы (4, 11—12, 14—15, 29, 34, 42, 52, 94, 359, 368—369, 388, 396, 400 и нѣкоторыя другія) и высказываетъ пожеланіе, чтобы г. Кочановъ въ своихъ ученыхъ работахъ

всегда продолжалъ заботиться о простотѣ и ясности своего стиля ⁴⁾.

Переходя къ матеріальной сторонѣ сочиненія, рецензентъ свое общее впечатлѣніе отъ нея могъ бы выразить тѣмъ сравненіемъ, какое подсказываетъ ему книга Притчей. При чтеніи сочиненія само собою напрашивалось сравненіе работы автора съ работою муравья (Ср. Пр. 6, 6—8). Дѣйствительно, кропотливость работы нашего автора изумительна; на мелочи и детали г. Кочановъ обращаетъ серьезное вниманіе, и поэтому каждый изъ вопросовъ, которымъ онъ посвящаетъ свое сочиненіе, разработанъ имъ тщательно. вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ, несмотря на свою широкую освѣдомленность въ литературѣ предмета, на обиліе у него матеріала заимствованнаго, остается самостоятельнымъ, оригинальнымъ. И немудрено. Г. Кочановъ вѣдь трудится почти исключительно надъ сырымъ матеріаломъ. Его изслѣдованіе потому и нужно особенно привѣтствовать, что оно идетъ по путямъ мало воздѣланнымъ, что ученыхъ соработниковъ г. Кочанова въ сферѣ спеціального изученія оригинальнаго языка ветхозавѣтной библии мало, а объ языкѣ Притчей и совсѣмъ нѣтъ монографій.

Въ сочиненіи г. Кочанова очень интересна по замыслу и общасть быть вкладомъ въ науку послѣдняя—6-я глава. Но она лишь начата нашимъ авторомъ. И вотъ, если ему удастся изучить синониміку кн. Притчей, одно уже это будетъ большой услугой его библейской наукѣ. Самое слабое мѣсто въ сочиненіи, это—его *введеніе*: здѣсь нужно бы больше обстоятельности въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ; въ очеркѣ—„Составъ книги Притчей. Содержаніе ея“,—намъ бы хотѣлось побольше идейной стороны изучаемой книги. Но вообще-то говоря, введеніе въ книгу Притчей было бы умѣстно въ обычной монографіи исагогико-экзегетическаго типа, а здѣсь въ работѣ чисто филологической, гораздо правильнѣе было бы подойти къ рѣчи о языкѣ книги Притчей чрезъ вступленіе, трактующее объ исторіи священнаго языка. Въ связи съ этимъ рецензентъ высказываетъ увѣренность, что, начавъ работать въ трудной и малоизслѣдован-

⁴⁾ Кстати, по поводу транскрипціи авторомъ иностранныхъ словъ ему рекомендуется придерживаться однообразія въ способѣ транскрипціи.

ной области текстологии и филологии ветхозавѣтной, г. Кочановъ постарается захватить въ поле своего изученія всю ветхозавѣтную еврейскую библію. Особенно полезно и цѣнно было бы, если бы ветхозавѣтная синонимика стала родной стихіей для него.

Изящная ученая работа г. Кочанова стоитъ высоко надъ уровнемъ студенческихъ курсовыхъ сочиненій и заслуживаетъ особой похвалы и одобренія. Рецензентъ позволяетъ себѣ обратить благосклонное вниманіе Совѣта Академіи на то, что авторъ показалъ себя знатокомъ своего предмета усерднымъ и умѣлымъ изслѣдователемъ литературы и самостоятельнымъ ученымъ работникомъ,—рѣдкое сочетаніе счастливыхъ данныхъ для серьезной дальнѣйшей работы. Степени кандидата богословія г. Кочановъ безусловно достоинъ“.

24) О сочиненіи студента *Кряжмискаго Александра* на тему: „О подлинности первыхъ двухъ главъ евангелія Луки“.

а) Доцента *геродиакона Иларіона (Троицкаго)*:

„Обширное сочиненіе студента Кряжмискаго (XII+367 большихъ стр.=250 стр. печатныхъ) состоитъ изъ двухъ частей: I часть защищаетъ подлинность первыхъ двухъ главъ евангелія Луки въ ихъ цѣломъ составѣ (стр. 1—168). II-ая посвящена защитѣ подлинности и изначальности отдѣльныхъ мѣстъ въ первыхъ двухъ главахъ или вопросу объ ихъ неповрежденности (стр. 169—340). Въ первой части разбираются и опровергаются взгляды старыхъ рационалистовъ Эйхгорна и Баура и новѣйшихъ ученыхъ Реша и Конради подробно и Völter'a, Usener'a, Hillmann'a, Hilgenfeld'a, Feine и Wittichen'a—болѣе кратко. Во второй части подробно изслѣдуется вопросъ о подлинности мѣста касательно сверхъестественнаго зачатія Господа (Лк. 1, 34—35), о пѣсни Богородицы и о хвалебной пѣсни Захаріи. Въ заключительной главѣ (стр. 340—361) дается собственное рѣшеніе недоумѣній, возбуждаемыхъ особеннымъ характеромъ первыхъ двухъ главъ евангелія Луки. Этотъ совершенно особый характеръ двухъ главъ третьяго евангелія обращалъ на себя вниманіе весьма многихъ ученыхъ стараго и новаго времени. Ради объясненія этого характера создавалось множество разнообразныхъ гипотезъ касательно происхожденія первыхъ двухъ главъ, начиная съ 5-го стиха

первой главы. Яркій ветхозавѣтный колоритъ и содержанія и языка первыхъ двухъ главъ многихъ приводилъ къ тому заключенію, что онѣ не могли выйти изъ-подъ пера Луки, во всемъ своемъ евангеліи и въ прологѣ евангелія (1, 1—4) оставившаго не мало ясныхъ слѣдовъ своего эллинистическаго образованія и своихъ литературныхъ приемовъ и вкусовъ. Съ другой стороны, микрологическій анализъ стиля открываетъ и въ первыхъ двухъ главахъ наличность стилистическихъ особенностей Луки. Отсюда, напр., у Гарнака, выводъ—подлинности первыхъ двухъ главъ, ихъ принадлежности евангелисту Лукѣ. Но тотъ же Гарнакъ насчиталъ до 14 характерныхъ для стиля Луки словъ и сочетаній въ пѣсни Богородицы (Лук. 1, 45—55) и сдѣлалъ выводъ, что пѣснь Богородицы и пѣснь Захаріи составлены самимъ Лукой. Кроме того, по соображеніямъ текстологическаго характера и по нѣкоторымъ внутреннимъ даннымъ Гарнакъ и нѣкоторые другіе сочли возможнымъ сдѣлать предположеніе, будто составленный Лукой псаломъ былъ вложенъ имъ въ уста не Дѣвы Маріи, а Елисаветы, такъ что говорить о пѣсни Богородицы—значить дѣлать двойную ошибку. За послѣдніе 15 лѣтъ вокругъ этого вопроса о пѣсни Богородицы выросла цѣлая литература въ видѣ и обширныхъ и мелкихъ журнальныхъ статей. Мысль о сверхъестественномъ зачатіи Спасителя стараются объявить позднѣйшей вставкой, отраженіемъ позднѣйшей церковной христологіи. Не имѣя никакихъ текстологическихъ данныхъ, приводятъ множество соображеній внутренняго характера — о несоотвѣтствіи этой мысли представленіямъ самого евангелиста, о противорѣчій ея другимъ мѣстамъ евангелія. Вполнѣ понятной становится важность того вопроса, которому посвящено сочиненіе г. Кряжимскаго. Важный самъ по себѣ вопросъ связанъ съ большими трудностями изслѣдованія. Существуетъ масса разноязычной литературы. Мнѣнія и аргументація этихъ мнѣній весьма различны. Разсужденіе все время идетъ или въ области слишкомъ субъективной, или въ области микрологическаго изслѣдованія. О сочиненіи г. Кряжимскаго слѣдуетъ сказать, что по своимъ высокимъ научнымъ качествамъ, по серьезности научной постановки дѣла оно вполнѣ соотвѣтствуетъ важности предмета. Авторъ съ самоотверженнымъ терпѣніемъ и трудолюбіемъ пошелъ навстрѣчу многимъ,

трудностямъ работы. Онъ тщательно изучилъ большое количество ученой литературы, преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ, взвѣсилъ, сопоставилъ и оцѣнилъ разнообразныя взгляды ученыхъ, подвергъ ихъ критикѣ и провѣркѣ и немало подумалъ надъ вопросомъ въ его цѣломъ. Результатомъ напряженной годичной авторской работы и явилось его обширное, богатое содержаніемъ и серьезное по научной постановкѣ дѣла сочиненіе. Сочиненіе обширное, но написано сжато. Каждая его страница ясно показываетъ внимательному читателю, какой кропотливый трудъ лежитъ въ основѣ работы. Здѣсь нѣтъ ни длинныхъ выписокъ, ни сводки чужихъ разсужденій, а сжато излагается отрицательное мнѣніе, тщательно провѣряются и взвѣшиваются его научныя аргументы и высказывается собственное сужденіе. Широкая освѣдомленность въ специальной ученой литературѣ вопроса и серьезная научная постановка дѣла — вотъ главнѣйшія достоинства сочиненія г. Кряжимскаго.

Характеръ подлежавшей изученію автора литературы таковъ, что не давалъ ему успокоиться на довѣріи къ какому либо опредѣленному авторитету и къ его кораблю привязать на цѣлый годъ свою ученую ладью. Не было у автора пособия, которое брало-бы вопросъ въ столь же широкой постановкѣ и разрѣшало-бы его въ желательномъ смыслѣ и направленіи. Г. Кряжимскій имѣлъ дѣло съ трудами почти исключительно протестантскими и часто рѣзко отрицательными. Авторъ имѣлъ подъ руками лишь три русскихъ книги— А. Полотебнова, М. Богословскаго и изслѣдованіе профессора М. Д. Муретова о родословіи Христа (Москва 1904). Изъ нихъ лишь въ послѣднемъ онъ могъ найти серьезную и авторитетную, хотя и сдѣланную ради другихъ цѣлей, критику гипотезы Реца. Правда, въ отрицательныхъ трудахъ встрѣчается взаимная критика, иногда исчерпывающая вопросъ. Этой взаимной критикой и пользуется авторъ. Но, во первыхъ, къ этой критикѣ приходилось относиться очень осторожно, такъ какъ критика нерѣдко вела къ еще болѣе отрицательнымъ выводамъ, а, во вторыхъ, все же не мало оставалось мѣста для проявленія авторской самостоятельности. Считаю необходимымъ отмѣтить, что авторъ серьезенъ и самостоятеленъ даже и тогда, когда слѣдуетъ другимъ. Онъ идетъ вслѣдъ за своими учеными руководителями въ

различныя области, даже самыя спеціальныя, изслѣдуетъ и стиль и преданіе. У него цѣлыя страницы наполнены греческимъ текстомъ Луки съ параллелями къ нему изъ ветхаго завѣта (стр. 49—66), изслѣдованіемъ особенностей стиля Луки (стр. 143—151). Гдѣ оставляють его ученые предшественники, онъ беретъ самъ конкорданцію (edited by W. F. Moulton and A. S. Geden. Edinburgh 1899) и работаетъ самостоятельно. Но и то, что сдѣлано до него, онъ переписываетъ на страницы своего сочиненія только послѣ провѣрки и поправки. Здѣсь на каждой строчкѣ требуется нѣсколько цифръ; слѣд., нужно открывать конкорданцію, считать слова и сочетанія. Эта работа автора замѣтна лишь при сопоставленіи его сочиненія съ работами предшественниковъ. Примѣръ: о глаголѣ *ὑποτρέφειν* дана такая справка — „въ Лк. 21 разъ, Дѣян. 12 р., въ остальномъ Н. З. 4 р., (стр. 146). У Гарнака—*ὑποτρέφειν* steht bei Lucas im Evangelium 22 Mal, in der Apostelgeschichte 11 Mal; im ganzen übrigen Neuen Testament steht es nur dreimal, und zwar nirgends in den Evangelien (Das Magnificat der Elisabeth. Berlin 1900. S. 12). Авторъ провѣряетъ все самъ и мѣняетъ цифры. Пусть даже слова Гарнака — „nirgends in den Evangelien“ и остаются въ силѣ, такъ какъ указанное авторомъ Мр. 14,40 сомнительно (вмѣсто *ὑποτρέφειν* *BLD а с ff² к сор. читають *ἐλθὼν*, каковое чтеніе принято и въ нѣкоторыя критическія изданія: авторъ, очевидно, не понялъ въ конкорданціи сиглы WHR), но для рецензента остаются несомнѣнными независимость и кропотливое трудолюбіе г. Кряжмскаго. А сколько справокъ сдѣлано имъ такихъ, которыхъ читатель замѣтитъ не можетъ, потомучто онъ не дали ничего новаго, — объ этомъ знаетъ лишь самъ авторъ. Въ сочиненіи г. Кряжмскаго есть и совершенно самостоятельныя отдѣлы, гдѣ онъ не имѣетъ какихъ-либо достаточныхъ пособій. Таковъ отдѣлъ (стр. 93—126), посвященный критикѣ книги Ludwig'a Conrady (Die Quelle der kanonischen Kindheitsgeschichte Jesus'. Göttingen 1900), который источникъ для евангельской исторіи дѣтства указываетъ въ Протоевангеліи Иакова. Крупнымъ достоинствомъ сочиненія и должно признать то, что авторъ постоянно старается стоять на собственныхъ ногахъ, а не ограничивается рабскимъ копированіемъ чужихъ трудовъ.

Отмѣчая наиболѣе самостоятельныя отдѣлы сочиненія г. Кря-

жмискаго, мы вовсе не хотимъ сказать, что эти только отдѣлы и цѣнны въ сочиненіи. Мы не скажемъ даже, что эти отдѣлы цѣнны болѣе другихъ; они только наиболѣе убѣдительно свидѣтельствуютъ о серьезности авторскаго отношенія къ дѣлу и объ его способности давать своему труду настоящую научную постановку. Оцѣнивая же все сочиненіе г. Кряжимскаго независимо отъ его самостоятельности, оцѣнивая его со стороны вообще заключеннаго въ немъ содержанія, мы должны сказать, что оно все цѣликомъ представляетъ трудъ весьма нужный и цѣнный. Отрицательная наука по вопросу о первыхъ двухъ главахъ евангелія Луки наговорила уже очень много, а со стороны церковной науки не дано еще никакого отвѣта на новѣйшія теоріи и гипотезы. Трудъ г. Кряжимскаго и долженъ быть первымъ опытомъ этого рода. Въ немъ привлекаются къ разсмотрѣнію новые вопросы или старые вопросы, но въ ихъ новѣйшей научной постановкѣ. Отсюда трудъ г. Кряжимскаго получаетъ важное апологетическое значеніе; онъ направленъ противъ новѣйшихъ нападеній на истину, нападеній, доселѣ церковной наукой еще не отраженныхъ. Въ курсахъ, напр., догматики разбираются возраженія противъ приснодѣвства Богоматери, но возраженія старыя, принадлежащія Гельвидію или антидикомаріанитамъ. Новѣйшіе антидикомаріаниты—Гилльманнъ, Гарнакъ, Гэккеръ и др. выставили цѣлый рядъ новыхъ возраженій противъ истины приснодѣвства и самое главное евангельское свидѣтельство Лк. 1, 34—35 желаютъ объявить неподлиннымъ. Отвѣтъ на эти новѣйшія возраженія можно будетъ найти въ сочиненіи Кряжимскаго. Или взять еще вопросъ о пѣсни Богородицы. Существуетъ уже специальная литература, а въ русской богословской наукѣ, кажется, еще ни одного слова не сказано по этому имѣющему пятнадцатилѣтнюю давность вопросу. Обширный трактатъ (стр. 211—308), въ которомъ использована лучшая научная литература по этому невѣдомому русской богословской наукѣ вопросу, заключается въ сочиненіи г. Кряжимскаго. А вѣдь на первый взглядъ отрицательные выводы, напр., блестящей брошюрки А. Гарнака *Das Magnificat der Elisabeth* могутъ казаться совершенно убѣдительными и непоколебимыми. Итакъ почти всѣ отдѣлы сочиненія г. Кряжимскаго возбуждаютъ вопросы новые, современные и самое сочиненіе получаетъ

поэтому интересъ научной новизны. Правда, сочиненіе по характеру обсуждаемыхъ вопросовъ и по строго - научному способу ихъ обсуждения не можетъ разсчитывать на широкій кругъ читателей, однако, несомнѣнно, въ нѣкоторыхъ частяхъ можетъ оно удовлетворять запросамъ и не одного только всегда тѣснаго круга специалистовъ.

Масса труда, потраченнаго г. Кряжимскимъ на изслѣдованіе важнаго и для русской науки новаго вопроса, конечно, не должна пропадать даромъ. Мы считаемъ излишнимъ говорить о томъ, что г. Кряжимскій за свое обширное и строго научное сочиненіе вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія. Рецензентъ считаетъ долгомъ заявить, что г. Кряжимскій нравственно обязанъ усовершенить свой настоящій трудъ, издать его въ свѣтъ и степень уже магистра богословія будетъ ему тогда законной наградой.

Только автору не нужно обольщаться мыслью, будто имъ уже почти все сдѣлано. Нѣтъ, мы скажемъ прямо: положено лишь начало, которое позволяетъ надѣяться на то, что авторъ можетъ достигъ и подобающаго конца. Труда впереди еще много. Сочиненіе требуетъ усовершенствованія въ разныхъ отношеніяхъ. Можетъ быть, окажется нужнымъ расширить нѣсколько и самую тему. Въ настоящемъ же видѣ сочиненіе не чуждо и разныхъ недостатковъ, частью вѣрнимыхъ автору въ вину, частью же невѣрнимыхъ и во всякомъ случаѣ извинительныхъ.

Хотя въ сочиненіи и изслѣдовано весьма большое количество литературы, однако оно далеко не исчерпываетъ этой литературы вполне. Можно указать десятки книгъ и статей, которыя остались г. Кряжимскому неизвѣстны. Важнѣйшія изъ нихъ — *Dr. Hellmuth Zimmermann*. *Evangelium des Lukas Kap. 1 und 2. Ein Versuch der Vermittlung zwischen Hilgenfeld und Harnack*. *Theologische Studien und Kritiken*. 1903 SS. 247—290. *M. I. Lagrange*. *Le rèsit de l'enfance de Jésus dans S. Luc*. *Revue biblique internationale*. 1895. pp. 160—185. *Völter*. *Die evangelischen Erzählungen von den Geburt und Kindheit Jesu*. 1911. *Wilkinson*. *A Johannine Document in the first chapter of St. Luke's Gospel*. Особенно (рекомендуемая и Гарсиакомъ—*Theologische Literaturzeitung*. 1913. № 1. Sp. 7—8) статьи американскаго ученаго *J. Gresham Machen* *The hymns of the first chapter of Luke* (*The Princeton theological review*. Vol. X. 1912. pp. 1—38) и *The origin of the first two chapters of Luke* (*Ibidem*, pp. 212—277).

Въ трудѣ Zimmermann'a авторъ найдетъ нѣкоторыя дополненія. Völter и Wilkinson потребуютъ разбора и опроверженія. Статьи же Machen'a заставятъ его нѣсколько иначе смотрѣть на стилистическій анализъ первыхъ двухъ главъ Луки, чѣмъ смотрятъ Гарнакъ и Циммерманъ, а также и самъ г. Кряжмскій. Кромѣ того, авторъ, изучая специальную литературу вопроса, совсѣмъ не обращалъ вниманія на общія пособія—курсы исагогикки, экзегетическіе комментаріи и под. Авторъ, повторяемъ, работалъ вполне достаточно. Нѣкоторая литература вопроса ему была недоступна и ея отсутствіе въ сочиненіи, разумѣется, не можетъ вѣнчаться автору въ вину. Но для окончанія труда придется перечитать можетъ быть не меньше, чѣмъ перечитано до сихъ поръ. Вопросъ о пѣсни Богородицы долженъ быть исчерпанъ въ сочиненіи вполне, а теперь авторъ въ своемъ и довольно обширномъ трактатѣ изслѣдовалъ вопросъ далеко не съ предѣльной полнотой.

Изложеніе отрицательныхъ мнѣній у автора сжатое. Это—хорошо. Но изложеніе не всегда можно назвать полнымъ. Это уже недостатокъ. Въ то же время критическій разборъ нѣрѣдко малооснователенъ и во всякомъ случаѣ недостаточенъ. Въ сочиненіи автора по адресу рационалистовъ—отрицателей не мало очень энергичныхъ порицаній: „дерзость“, „брeдь“, „недостойно серьезнаго ученаго“, „безцеремонность“, „беззащитность“ (стр. 93. 104. 114—115. 132. 133 и др). Можетъ быть и по дѣломъ отрицателямъ—ученымъ подобныя любезности г. Кряжмскаго, но какъ то замѣчается, что тонъ его критики повышается по мѣрѣ того, какъ понижается убѣдительность и содержательность его аргументаціи. Критическія изслѣдованія автора и его выводы по разнымъ вопросамъ можно бы во многомъ поправлять и оспаривать. Но мы дѣлать это считаемъ излишнимъ, ибо не смотримъ на работу, какъ на окончательную. Авторъ самъ многое дополнилъ и измѣнилъ, когда прочиталъ литературу, которой еще не читалъ.

Нѣрѣдко сказывается въ сочиненіи неширокое знакомство автора съ новозавѣтной научной дисциплиной въ ея цѣломъ. Мимоходомъ автору приходилось касаться разныхъ областей новозавѣтной науки, требовалась нѣкоторая специальная подготовка, а ея-то мѣстами и не хватало.

Прежде всего бросается въ глаза неосвѣдомленность ав-

тора въ области текстологін. Онъ никогда не дѣлаетъ самостоятельныхъ справокъ въ критическихъ изданіяхъ повозвѣтнаго текста, а когда беретъ эти справки изъ вторыхъ рукъ, беретъ неполно и со множествомъ ошибокъ. Такъ на стр. 178 на основаніи статьи Гильманна сдѣлана такая справка касательно Лк. 2, 5: „Въ однихъ, преимущественно восточныхъ (Синайскомъ, Ватиканскомъ, Ефремовскомъ, Кантабригензскомъ—sic!) стоитъ: „*ὄν Μαριάμ τῇ ἐμνηστευμένῃ* (или *μεμνηστευμένη*) *αὐτοῦ*“, въ другихъ, преимущественно западныхъ (напр. Александрийскомъ)—„*ὄν Μαριάμ τῇ ἐμνηστευμένῃ αὐτοῦ γυναικί*“. Но первое чтеніе, принятое Тишендорфомъ, Весткоттомъ и Хортомъ, имѣетъ за себя $\text{NVC}^{\text{vid}} \text{D L } \Xi$ 1. 131. 2re e f q^{***} perus sax sah cop syr^{sch} arm Eus^{dem} edd² et steph. Второе же чтеніе имѣетъ за себя $\text{A C}^{\text{2vid}} \text{G A Lunc}^{\text{u}}$ al pler a b c ft² l q^{*} vg go syr¹ aeth Eus^{dem} ed Chr^{2, 420} et⁴²¹ Chron³⁸⁰.

Гдѣ же здѣсь преимущественно западные кодексы, когда здѣсь сирійскіи и эѳіопскіи переводы, Евсеѳіи, Златоустъ и др.? Авторъ опустилъ подробную справку, очевидно, потому, что сиглы для него оказались китайскою грамотою. Упомянувъ въ первомъ случаѣ Ефремовскій кодексъ (С) безъ всякой оговорки, во второмъ случаѣ авторъ о немъ благо-разумно умолчалъ: иначе у него получилось бы, что одинъ и тотъ же кодексъ читаетъ по разному. Добавленіе же при С въ первомъ случаѣ*, а во второмъ² и въ обонхъ случаяхъ^{vid}, повидимому, автору ничего не говоритъ. На слѣдующей 179 стр. авторъ дѣлаетъ еще примѣчаніе: „Если вѣрить Häscher'у въ одномъ Сирскомъ палимссестѣ (палимссестѣ—конечно!) стояло (а теперь не стоитъ?) „*ὄν Μαριάμ γυναικί αὐτοῦ*“. Что это значить: „если вѣрить Häscher'у“? Чтеніе сирійскаго текста можно видѣть и въ новѣйшихъ комментаріяхъ, напр. въ The International Critical Commentary у Alfred'a Plummer'a. Затѣмъ. Какъ въ сирскомъ палимссестѣ могли оказаться греческія слова? „Въ одномъ“... А сколько ихъ? Авторъ, очевидно, не слыхалъ ничего о знаменитомъ Syrus Sinaiticus, хотя въ пособіи, откуда почерпнуто это свѣдѣніе, онъ названъ прямо. Авторъ здѣсь, вопреки своему обыкновенію, не ставитъ никакого цитата и на Häscher'a ссылается совершенно напрасно; у него ничего подобнаго нѣтъ. Свѣдѣніе же о чтеніи Syr. Sin. взято имъ, несомнѣнно, изъ статьи Н. Usener'a (Geburt und Kindheit Christi. Zeitschrift für die neutesta-

mentliche Wissenschaft. 1903. S. 17), гдѣ прямо названъ *der von Miss Agnes Smith Lewis entdeckte syrische Palimpsest vom Sinai*. Про это открытіе миссъ Льюисъ авторъ, очевидно, не слыжалъ. Разбирая аргументацію Гильманна за чтеніе *γυγακί*, а не *ἐπισητευμένη*, авторъ заключаетъ: „Итакъ, Гильманновское чтеніе Π, ѿ не имѣеть подь собою никакихъ основаній“ (стр. 181). Неужели *никакихъ*? Разсуждая на слѣдующей страницѣ о чтеніяхъ съ *γυγακί* и безъ *γυγακί*, въ скобкахъ авторъ замѣчаетъ: „мы лично склоняемся все-таки къ послѣднему“. *Лично...* но чтобы говорить такъ, нужно быть признаннымъ въ текстологіи авторитетомъ. Было бы гораздо основательнѣе и убѣдительнѣе отмѣтить, что это именно чтеніе принято въ лучшія критическія изданія Новаго Завѣта—Tischendorf'a 8 ed. (7 съ *γυγακί*), Tregelles'a, Westcott'a и Hort'a, E. Nestle. Послѣ этихъ авторитетовъ что значить личное мнѣніе студента Кряжимскаго? Подобное же заявленіе читаемъ у г. Кряжимскаго на стр. 196 относительно чтенія Лк. 3, 22, гдѣ Гильманнъ предполагаетъ иначальность цитата изъ Псал. 2, 7. Основанія же, приводимыя Гильманномъ, на стр. 194 переданы слишкомъ въ усѣченномъ видѣ.

Относительно чтенія *υἱοῦ θεοῦ* въ Mr. 1, 1 авторъ замѣчаетъ: „Правда, въ нѣкоторыхъ кодексахъ послѣднія два слова отсутствуютъ, но все же это не даетъ намъ права выбросить ихъ, какъ это дѣлаютъ критическія изданія Новаго Завѣта (Слав. переводъ, напр., имѣеть ихъ)“ (стр. 205 прим. 2). Очевидно, въ критическія изданія Нов. Завѣта авторъ не заглядывалъ; иначе онъ увидѣлъ бы, что кодексы-то слова *υἱοῦ θεοῦ* имѣютъ, кромѣ № 28. 255, а критическія изданія, опуская эти слова, какъ Тишендорфъ, или помѣщая на полѣ, какъ Весткоттъ и Хортъ, слѣдуютъ древнимъ отеческимъ цитатамъ. Но особенно великолѣпна эта ссылка въ опроверженіе „критическихъ изданій“ на славянскій переводъ!

О чтеніи Лк. 1, 78 сказано на стр. 329: чтеніе „*ἐπισητεύεται*“ имѣютъ всего два кодекса—Синайскій и Ватиканскій, въ остальныхъ же кодексахъ стоитъ аористная форма“. Въ критическія изданія авторъ опять самъ не смотрѣлъ и не совѣтъмъ понялъ Гильманна, которымъ онъ въ данномъ случаѣ пользуется (Jahrb. für protest. Theol. XVII. 1892. S. 212), почему положеніе дѣла представлено не точно. Во первыхъ,

чтеніе *ἐπισκέψεται* подтверждается не вообще синаяским кодексомъ, а лишь его первоначальнымъ чтеніемъ (S^a), въ корректурѣ же (S^c) читается *ἐπισκέψατο*. Во вторыхъ, кромѣ S^a и B, кодексъ L читаетъ *ἐπισκέψεται*. Въ третьихъ, чтеніе *ἐπισκέψεται* подтверждается переводами *cop syr^{sc} arm^{zoh} (gō visitat)*. Тишендорфъ читаетъ *ἐπισκέψατο*, Westcott and Hort → *ἐπισκέψεται*; это же чтеніе на полѣ у Tregelles'a.

Приведенные примѣры показываютъ, что въ текстологій г. Кряжимскій мало свѣдуешь.

Можно указать нѣсколько фактовъ, обличающихъ недостаточное знакомство съ исторіей новозавѣтнаго канона и съ исторіей новозавѣтныхъ писаній вообще. Такъ Мураторіевъ фрагментъ относитъ авторъ къ половинѣ второго вѣка (стр. 165). Исторію отрицанія подлинности первыхъ двухъ главъ Луки авторъ возводитъ до Шмидта и Эйхгорна (стр. VII. 3 слл.). Но она можетъ быть возведена еще къ XVI вѣку, къ кальвинисту Іоанну Бодину и продолжена Evanson'омъ (*The dissonance of the four Evangelists. Ipswich 1792*) и Jones'омъ (*Ecclesiastical researches. London 1803*). Можно бы иначе и лучше объяснить анонимность Маркіонова евангелія, чѣмъ это сдѣлано на стр. 14. Маркіонъ былъ сынъ не пресвитера, какъ значится на стр. 3, но епископа. Вѣдь авторъ имѣлъ предъ глазами Епифанія Хаег. 42, 1 и самъ же говоритъ, что отсюда онъ заимствуетъ свѣдѣнія о Маркіонѣ (стр. 4 прим. 4). Но у Епифанія-то отецъ Маркіона и называется епископомъ. Нельзя-ли противъ мнѣнія Эйхгорна, будто маркіониты ничего не говорятъ объ измѣненіи ихъ учителемъ евангелія Луки (стр. 14—15), привлечь свидѣтельство Иринея *Contra haer.* III, 1, 1. 2, 2 о томъ, что еретики выдаютъ себя за исправителей апостоловъ, считаютъ себя мудрѣе апостоловъ? Едва-ли можно сказать, что Маркіонъ къ своему дѣлу тенденціозной критики текста отнесся небрежно (стр. 11).

О цитациі каноническихъ евангелій у Іустина Философа авторъ говоритъ кратко (стр. 77—78), но это вопросъ большой. Ему и въ русской богословской литературѣ лѣтъ 25 назадъ посвящено нѣсколько специальныхъ изслѣдованій.

Гипотеза Conrady тѣсно связана съ его взглядами на Прото-евангеліе Іакова (См. его статью—*Das Protev. Iacobi in neuer Beleuchtung. Studien und Kritiken. 1889, SS. 728 ff.*). Эти взгляды Conrady считаются неудачными. Автору не мѣшало бы отмѣ-

тить, что современная научная оценка Протоевангелия такова: Für die ältere evangelische Litteratur ist aus dem Protev. nichts zu lernen (A. Harnack. Die Chronologie der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. 1-er Bd. Leipzig 1897. S. 603).

На стр. 132 читаемъ: „Если вѣрить тому же Фольтеру, въ изданной Воог'омъ такъ называемой „стихаметри“ Никифора въ числѣ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ находится сочиненіе подѣ заглавіемъ „*Zacharíou patrós 'Iωάννου*“. Авторъ повидимому склоненъ иныхъ представителей науки считать мошенниками, которымъ не слѣдуетъ вѣрить ни на грошъ (См. на стр. 163 недовѣріе къ переводу Сопубеаге съ армянскаго яз.). Но если не вѣрить, то можно провѣрить. Въ данномъ же случаѣ авторъ обнаружилъ лишь незнакомство съ такимъ общезвѣстнымъ памятникомъ, какъ „стихаметрія“ Никифора. У нѣмцевъ она даже въ пособіяхъ къ практическимъ занятіямъ печатается, см. напр. Analecta E. Preuschen'a, p. 64.

Въ примѣчаніи на стр. 162 авторъ пишетъ о Сопубеаге, что онъ „отыскалъ въ бібліотекѣ одного монастыря двѣ рукописи, содержащія комментарий св. Ефрема Сирина къ (на?) Діатессарону Татіана на армянскомъ языкѣ“ (что на армянскомъ языкѣ? Діатессаронъ или комментарий?). Очевидно, исторія Діатессарона и Ефремова на него комментарія плохо извѣстна г. Кряжимскому. Прочитанная имъ замѣтка Сопубеаге относится къ 1902 г., но комментарий на Діатессаронъ уже въ 1896 г. былъ изданъ даже въ русскомъ переводѣ въ 8 ч. твореній Ефрема Сирина. Да и самъ же авторъ на той же страницѣ упоминаетъ переводъ армянской рукописи Aucher'a, изданный въ 1876 г. Вовсе ничего Сопубеаге не отыскивалъ; рукописи комментарія Ефрема на Діатессаронъ отысканы были безъ него и гораздо раньше его. Г. Кряжимскій не совсѣмъ внимательно прочиталъ статейку Сопубеаге въ Zeitschrift für die neutestam. Wissenschaft. 1902 г. и наговорилъ того, чего онъ не сказалъ бы, если-бы болѣе былъ освѣдомленъ въ исторіи Діатессарона. Здѣсь же слѣдуетъ опять отмѣтить ненужное недовѣріе нашего автора къ ученымъ. „Въ послѣсловіи къ комментарий, пишетъ онъ, *будто-бы* (а не на самомъ дѣлѣ?) находятся такія слова св. Ефрема“...

Отмѣчая всѣ эти ошибки и неточности, мы ни на минуту не забываемъ, что всѣ онѣ совершенно понятны и извинительны въ работѣ студенческой.

Но можно указать кое-что и менѣе извинительное. Такъ у автора иногда нарушается теченіе его разсужденій и изслѣдованій вставкой инородныхъ элементовъ. Изложеніе и критика соображеній Реша касательно пролога евангелія Іоанна вставлены не на мѣстѣ (стр. 79—83). Имъ слѣдовало-бы найти другое мѣсто или изложить ихъ въ видѣ особаго большаго примѣчанія; теперь же стр. 79—83 производятъ впечатлѣніе вставки. Разборъ ссылки Сопувеаре на послѣсловіе комментарія Ефрема Сиріина хотя и помѣщенъ въ примѣчаніи (стр. 161—164), но это примѣчаніе безъ всякой связи пристегнуто къ разсужденіямъ объ идейномъ содержаніи первыхъ двухъ главъ евангелія Луки. Статья же Сопувеаре касается внѣшняго свидѣтельства. Правда, на слѣдующихъ страницахъ (164—166) у автора приводятся свидѣтельства изъ Іустина, Мураторіева фрагмента и др. въ пользу подлинности первыхъ главъ Луки. Но и эти свидѣтельства здѣсь стоятъ совсѣмъ не на мѣстѣ. Самъ авторъ сознается, что здѣсь онъ дѣлаетъ какъ бы добавленіе къ сказанному выше (см. стр. 164). Однородныя свидѣтельства, конечно, разбѣднать неудобно, а лучше помѣщать рядомъ.

Въ отдѣлѣ о пѣсни Богородицы бросается въ глаза одна неточность въ выраженіи. Нѣсколько разъ авторъ выражается такъ, будто его противники высказываютъ мысль, что Пѣснь Богородицы принадлежитъ Елисаветѣ (стр. 212, 252, 255, 302). Мысль Гарнака и ему подобныхъ совсѣмъ не та. На одной изъ указанныхъ страницъ (255) авторъ рядомъ съ невѣрнымъ и неточнымъ выраженіемъ совершенно правильно самъ же формулируетъ мысль Гарнака о пѣсни Богородицы: „Составленная самимъ Лукою она была вложена въ уста Елисаветы, а не Богоматери“. Если такова мысль Гарнака, то можно ли говорить о „гипотезѣ принадлежности пѣсни Богородицы Елисаветѣ“, какъ это сказано у автора на той же 255 стр. всего тремя строками выше.— Автору осталось неизвѣстнымъ чтеніе „Елисаветъ“ въ армянскомъ переводѣ Принея Contra haer. IV. 7, 1, о чемъ см. замѣтку въ Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. 1906.

Г. Кряжимскому приходилось все время имѣть дѣло съ источниками и пособіями на иностранныхъ языкахъ. Нѣкоторыя изъ нѣмецкихъ пособій написаны очень тяжелымъ языкомъ. Переводъ требовалъ самоотверженнаго терпѣнія.

Нѣтъ, конечно, ничего невѣроятнаго и печальнаго въ томъ, что переводы иногда ему не удавались. На стр. 18 нѣмецкое — „freie Gnade“ переведено „свободная благодать“.

На стр. 36 изъ Adv. Marc. IV, 4: ei praescribens auctoritatem, quod antiquius—переведено: время является авторитетомъ для того, что древнѣе. Но у Тертуллиана рѣчь идетъ объ авторитетѣ евангеліи церковныхъ въ противоположность евангелію Маркіона. Здѣсь же „quod est secundum nos“ переведено: „что гармонируетъ съ нашимъ ученіемъ“ и фраза эта заключена въ скобки, тогда какъ у Тертуллиана она является опредѣленіемъ къ слову evangelium. Черезъ строчку ниже о Маркіонѣ говорится, что въ первомъ пылу вѣры онъ отдалъ свои способности (силы) каѳолической Церкви. Вовсе не силы и не способности, а деньги; въ подлинникѣ у Тертуллиана—resuniam, и не отдалъ, а contulit.

Стр. 179. 180: Aenderung zu Gunsten переводится: измѣненіе по склонности (?).

Стр. 257: онъ не силенъ, но хорошо засвидѣтельствованъ. Въ подлинникѣ у Гарнака—ist nicht stark, aber gut bezeugt.

Стр. 320: Захарія высказываетъ случившіяся съ нимъ событія въ пѣсни. У Гильманна: Zacharias bricht nun angesichts der ihm widerfahrenen Ereignisse in einem Lobgesang aus.

Стр. 350: созрѣло у него не ночью. У Nebe: ist nicht über Nacht gereift.

Стр. 243: безчисленное число. У Spitta: unzählig oft.

Стр. 324: Beziehung auf Johannes=отношеніе на Іоанна.

Предметъ, обсуждавшійся г. Кряжимскимъ въ его диссертаци, таковъ, что трудно писать о немъ легкимъ и красно-рѣчивымъ стилемъ, но, думается, стилистическихъ шероховатостей избѣжать было-бы можно, а ихъ въ сочиненіи изобиліе. „Основаніе за ихъ неподлинность“ (стр. 21). „Запрещалось дѣлать идолы“ (стр. 35). „Понятна неприемлемость Маркіономъ евангелія“ (стр. 48). „Могущая быть поставлена“ (стр. 60). „Отдѣлъ на соотвѣтствующіе стихи“ (стр. 78 прим. 2). „Широкая фантазія“ (стр. 80). „Въ отношеніи на Ирода“ (стр. 152). „Привнести чрезъ свое изслѣдованіе“ (стр. 171). „Отношеніе на Іосифа“, „относитъ 1, 27 на Іосифа“ (стр. 175 и прим. 4), „заключеннѣе“ (стр. 317).

Наконецъ, отмѣтимъ нѣкоторыя мелочи. Перечень источниковъ (стр. I) начинается съ конкорданціей E. Hatch and

H. Redpath и W. F. Moulton and A. S. Geden. Но развѣ конкорданціи—источники? Это самыя типичныя пособія.

Не совсѣмъ удобно цитовать Игнатія Богоносца и Иустина Философа по Migne, а комментарий Meyer'a по 5 изданію, когда есть уже 9-ое.

Начало евангелія Маркіона почему-то дважды на основаніи Тертулліана приводится по латыни (стр. 4, 19). Ужъ если приводитъ подлинникъ, то нужно приводить греческій, хотя бы по реконструкціи Цана. Маркіонъ писалъ на греческомъ языкѣ. Такъ же и Лк. 16, 17 въ обработкѣ Маркіона на стр. 12 приведено изъ Тертулліана по латыни.

51-ую главу трактата De praescriptionibus haereticorum авторъ bona fide цитуетъ какъ принадлежащую самому Тертулліану. Но Тертулліану принадлежитъ въ этомъ трактатѣ 45 главъ, какъ это отмѣчено и въ изданіи Migne, которымъ пользовался авторъ (См. col. 74). Кстати сказать, приведя слова 51 главы, авторъ ставитъ цитатъ: col. 39. Нужно: col. 89.

Относительно слова *πλεύθει* авторъ замѣчаетъ, что кромѣ писаній Луки оно находится еще лишь въ 2 Петр. 3, 12 (стр. 148), но онъ не замѣчаетъ, что у ап. Петра *πλεύθοντες* имѣетъ совсѣмъ иной смыслъ, нежели у Луки. Авторъ просто въ данномъ случаѣ невнимательно читалъ своего руководителя Гарнака, который пишетъ: steht es in N. T. nur noch ein einziges Mal aber transitiv (Das Magnificat der Elisabet. S. 14).

Въ примѣчаніи на 195 стр. невѣрно поставленъ цитатъ: Hillmann. Op. cit. SS. 248—250. Нужно: SS. 246—247.

Явленія ангела Захаріи и Благовѣщеніе почему то называются *интимными* событіями (стр. 341).

На стр. 356 авторъ говоритъ, что матерью Іакова „евангеліе называетъ Марію, поскольку, конечно, послѣдняя являлась въ глазахъ всѣхъ женою Іосифа“ и цитуетъ Мѡ. 13, 55; Мр. 6. 3. Ничего подобнаго въ указанныхъ мѣстахъ, конечно, нѣтъ. Іаковъ тамъ называется братомъ Господнимъ, но Марія называется матерью только Іисуса, а не Іакова.

Всѣ сдѣланныя нами замѣчанія въ общемъ нисколько не понижаютъ достоинствъ разсмотрѣннаго сочиненія. Едва-ли кто смогъ бы избѣгать подобныхъ ошибокъ въ столь же обширномъ и серьезномъ первомъ ученomъ трудѣ. Рецензентъ дѣлалъ свои поправки и замѣчанія, руководясь больше желаніемъ почтить должнымъ вниманіемъ ту массу серьез-

наго научнаго труда, которую онъ встрѣтилъ въ сочиненіи. Серьезность и богатая содержательность труда г. Кряжмскаго вызывали во время чтенія неослабѣвающій интересъ и держали читателя въ пріятномъ напряженіи мысли. Преданность ученому дѣлу и самоотверженное трудолюбіе, не малодушествующее предъ множествомъ работы и не уклоняющееся отъ нея, характеризуютъ студента Кряжмскаго и дѣлаютъ ему честь, а рецензенту позволяютъ питать твердую надежду на то, что ему придется съ удовольствіемъ читать еще болѣе совершенную печатную работу г. Кряжмскаго. О прочитанной же рукописной работѣ можно отозваться лишь съ самой рѣшительной похвалою, назвать ее слѣдуетъ выдающимся кандидатскимъ сочиненіемъ и какъ таковое цѣнить высоко“.

б) Экстраординарнаго профессора *священника В. Н. Страхова*:

„Сочиненіе г. Кряжмскаго раздѣляется на двѣ части: въ первой изслѣдуется вопросъ о подлинности первыхъ двухъ главъ евангелія Луки въ ихъ цѣломъ составѣ, во второй—о подлинности отдѣльныхъ частей этихъ главъ или о неповрежденности этихъ главъ. *Первая* часть въ свою очередь состоитъ изъ четырехъ главъ. Въ первой главѣ, носящей заголовокъ: „Вопросъ о подлинности первыхъ двухъ главъ евангелія Луки въ связи съ евангеліемъ Маркіона“, авторъ разбираетъ теорію Эйхгорна, будто евангеліе св. Луки и евангеліе Маркіона въ своей основѣ имѣютъ недошедшій до насъ источникъ, оставленный въ неприкосновенности Маркіономъ, но передѣланный Лукою и позднѣйшими редакторами его евангелія, и теорію Баура, будто источникомъ для евангелія Маркіона послужило не нынѣшнее евангеліе Луки, а болѣе краткое и первоначальное евангеліе, бывшее въ рукахъ павлинистовъ и являвшееся точнымъ выраженіемъ павлинистическихъ идей. Послѣ обстоятельнаго разбора теорій Эйхгорна и Баура авторъ анализируетъ свидѣтельства нѣкоторыхъ отцовъ и учителей Церкви о взаимномъ отношеніи евангелій Луки и Маркіона и въ результатъ своихъ изысканій приходитъ къ твердо обоснованному выводу, что первоначальнымъ является не евангеліе Маркіона, а евангеліе Луки. Во второй главѣ, носящей названіе:

„Вопросъ о подлинности первыхъ двухъ главъ ев. Луки въ новѣйшей постановкѣ“, авторъ подробно разбираетъ внѣшнія (языкъ и стиль) и внутреннія (содержаніе) основанія, выдвигаемыя новѣйшей критикою противъ подлинности первыхъ двухъ главъ ев. Луки. Въ третьей главѣ, посвящей заголовокъ: „Попытка рѣшить вопросъ о подлинности первыхъ двухъ главъ ев. Луки на почвѣ предположенія готоваго письменнаго подлинника“, авторъ излагаетъ и критикуетъ теорію Реша о существованіи доканоническаго евангелія, содержащаго въ себѣ связанное изложеніе обстоятельствъ рожденія и дѣтства Иисуса Христа и послужившаго источникомъ для евангелій Матѳея, Луки и Іоанна, для христологич. Іустина Философа, а также для апокрифическихъ евангелій. Авторъ отвергаетъ теорію Реша, такъ какъ указываемаго имъ источника не существовало, равно какъ и теорію Конради, пытавшагося доказать, что такимъ источникомъ было протоевангеліе Іакова. Въ четвертой главѣ, посвящей заголовокъ: „Попытка рѣшить вопросъ о подлинности первыхъ двухъ главъ ев. Луки на почвѣ предположенія позднѣйшихъ переработокъ, вставокъ и наслоеній“, авторъ разбираетъ теоріи Völter'a, Usener'a, Hillmann'a, Hilgenfeld'a, Feine и Wittichen'a, о позднѣйшей переработкѣ ев. Луки, показывая всю ихъ научную несостоятельность.

Въ небольшомъ введеніи ко *второй* части своего сочиненія авторъ замѣчаетъ, что „плоды критическаго анализа первыхъ двухъ главъ ев. Луки почти не поддаются учету; отвергается изначальность цѣлыхъ отдѣловъ, отрицается принадлежность къ первоисточнику тѣхъ или другихъ стиховъ, выбрасываются безъ особой надобности выраженія и слова. Но можно отбѣнить въ главахъ три пункта, которые преимущественнымъ образомъ привлекаютъ вниманіе ученыхъ и надъ изслѣдованіемъ которыхъ работаетъ критическая мысль большинства,—это: 1) сверхъестественное зачатіе Господа, 2) пѣснь Богородицы и 3) пѣснь Захаріи“ (с. 171). Установленіе подлинности этихъ трехъ отдѣловъ ев. Луки (1, 34—35; 46—55; 68—79) и составляетъ предметъ первыхъ трехъ главъ второй части труда г. Кряжмсаго. Въ заключительной главѣ авторъ задается цѣлью установить тотъ источникъ, откуда ев. Лука почерпнулъ свѣдѣнія для первыхъ двухъ главъ своего евангелія, и объяснить ветхоза-

вѣтныи колоритъ и содержанія и языка этихъ главъ, рѣзко отличающагося отъ пролога и остальныхъ главъ ев. Луки. На основаніи детальнаго анализа пролога ев. Луки авторъ находитъ, что источникомъ для названныхъ главъ ев. Луки послужили какъ устныя преданія, такъ и сохранившіяся записи о тѣхъ событіяхъ, о какихъ повѣствуется въ изслѣдуемомъ мѣстѣ. Данный же евангелистомъ Лукою переводъ этихъ записей съ еврейско-арамейскаго языка на греческій языкъ или же его непосредственная записъ со словъ очевидца событій, составляющихъ содержаніе первыхъ двухъ главъ его евангелія, естественно, должны были сказаться и на языкѣ этихъ главъ.

Какъ видимъ, авторъ затронулъ въ своей работѣ специальный, но интересный вопросъ, о которомъ имѣется разнообразная иностранная литература, но который совершенно не затронуть въ литературѣ русской. Мы привыкли думать, что пѣснь Богородицы въ ев. Луки 1, 46—55 принадлежитъ именно Ей и взята или записана ев. Лукою изъ вѣрныхъ рукъ. Но вотъ западные ученые нашли, что пѣснь эта есть позднѣе вставленный іудейскій псаломъ или что она не собственное творчество Богоматери, а составлена самимъ Евангелистомъ, или, наконецъ, что она принадлежитъ Елизаветѣ. Также обстоитъ дѣло съ другимъ важнымъ вопросомъ о сверхъестественномъ зачатіи Господа. Повѣствующій объ этомъ отдѣлъ изъ ев. Луки 1, 34—35 также объявляется позднѣйшей вставкой, какъ противорѣчащій содержанію первыхъ двухъ главъ ев. Луки, всему Новому Завѣту и древнѣйшей христіанской литературѣ. Православная наука давно ожидала такого работника, который бы взялъ на себя тяжелый и отвѣтственный трудъ разобрать всѣ эти возраженія и научно защитить неповрежденность и подлинность первыхъ двухъ главъ ев. Луки. Этотъ трудъ и взялъ на себя г. Кряжимскій и выполнилъ его съ выдающимся успѣхомъ. Онъ тщательно изучилъ иностранную, главнымъ образомъ нѣмецкую, литературу по этому вопросу, ясно и сжато изложилъ и обстоятельно разобралъ существующіе въ этой литературѣ, преимущественно въ новѣйшей, взгляды и мнѣнія по этому вопросу. Это—первое достоинство сочиненія г. Кряжимскаго. Второе достоинство его труда—самостоятельность его изысканій. Онъ имѣлъ дѣло преимущественно съ про-

тестантской литературой, иногда рѣзко отрицательной. У него не было подѣ руками ортодоксальнаго труда, съ точки зрѣнія котораго ему было бы удобнѣе и легче разобрать отрицательныя мнѣнія и сужденія. Строго православная точка зрѣнія автора и собственное его критическое чутье помогли ему съ успѣхомъ разобратся въ этихъ мнѣніяхъ и сужденіяхъ. Но тѣмъ цѣннѣе, конечно, его изысканія, тѣмъ важнѣе его работа.

Эти крупныя достоинства сочиненія г. Кряжимскаго покрываютъ нѣкоторые мелкіе недочеты въ его работѣ, напр. не вездѣ правильный стиль (с. 21, 43, 60, 78, 80, 152, 171 и др.), неумѣстно-рѣзкій языкъ въ оцѣнкѣ западныхъ ученыхъ („дерзость“, „брeдъ“, „безцеремонность“, „разбить въ корнѣ“ и т. п. с. 93, 104, 114—115, 132, 193 и др.), неполное изученіе литературы вопроса, неосвѣдомленность въ области текстологіи (с. 178, 179, 329 и др.), исторіи новозавѣтнаго канона (с. 3, 132, 165 и др.), неудачный переводъ нѣкоторыхъ выраженій и словъ (напр. на с. 179—180, 257, 350 и др.) и др.

Несмотря на указанные недостатки, вполне понятныя въ студенческой годичной работѣ, сочиненіе г. Кряжимскаго и въ настоящемъ своемъ видѣ является выдающейся кандидатской работой, которая, по исправленіи, составитъ цѣнный вкладъ въ русскую богословскую литературу и смѣло можетъ быть увѣнчана степенью магистра богословія“.

25) О сочиненіи студента *Курсина Анатолія* на тему: „Религіозно-правственное состояніе израильтянъ во время сорокалѣтняго странствованія ихъ по пустынѣ“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. П. Введенскаго*:

„Обстоятельное сочиненіе студента А. Курсина состоитъ изъ введенія, уясняющаго сущность вопроса и включающаго указатель источниковъ и пособій, и пяти главъ.

Обозрѣвая время странствованія израильтянъ по пустынѣ въ исторической послѣдовательности, авторъ въ 1-ой главѣ /отъ Египта до Синая/ говоритъ о религіозно-нравственномъ состояніи израильтянъ въ Египтѣ и о первыхъ проявленіяхъ религіозно-нравственной неустойчивости ихъ по выходѣ изъ Египта. Во 2-ой главѣ онъ говоритъ о собы-

тіяхъ у горы Синая; 3-я, 4-я и 5-я главы обнимають время странствованія израильтянъ отъ Синая до окончанія егo.

Разсматриваемое со стороны содержанія, сочиненіе г. Кур-сина показываетъ въ авторѣ вдумчиваго библеиста, который не обходилъ сложныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ рационали-стическою критикою какъ при общей оцѣнкѣ религіозно-нравственнаго состоянія израильтянъ за весь разсматривае-мый періодъ, такъ и при сужденіи объ отдѣльныхъ фак-тахъ, дающихъ въ цѣломъ опредѣленное слагаемое, по-зволяющее, въ свою очередь, смотрѣть на время странство-ванія израильтянъ по пустынѣ, какъ на время воспитатель-наго руководства Иеговою Своєю избраннаго народа.

Въ частности, авторъ съ надлежащею серьезностью оста-новилъ свое вниманіе на выразительныхъ случаяхъ отсту-пленія израильтянъ отъ Иеговы, какъ, напримѣръ, на покло-неніи ихъ золотому тельцу, на ихъ частомъ ропотѣ и недо-вѣрїи къ своему вождю, на уклоненіи ихъ въ сторону идоло-поклонства. Послѣднее выясняется имъ, между прочимъ, въ связи съ вопросомъ о звѣздѣ Ремфана.

Характеризуя религіозно-нравственное состояніе народа израильскаго, вышедшаго изъ Египта для обитанія въ Пале-стинѣ, авторъ хорошо уяснилъ, на данныхъ Библии, тѣ мо-ральныя причины, которыя отодвинули, такъ сказать, изра-ильтянъ отъ обѣтованной страны, когда она была такъ близка къ нимъ.

Правда, для болѣе всесторонняго изслѣдованія вопроса о причинахъ долгаго странствованія евреевъ по пустынѣ,— разъ авторъ заговорилъ о нихъ,—ему слѣдовало не только оцѣнивать случаи ихъ отступленія отъ Иеговы съ моральной точки зрѣнія, но и обстоятельнѣе коснуться вопроса о поли-тическомъ состояніи Палестины за данный періодъ. Можетъ быть, въ области этихъ изысканій онъ нашелъ бы интерес-ный матеріалъ, который далъ бы ему возможность съ рѣ-шительностью сказать, что надъ немалою силою Хананейнъ и политическимъ могуществомъ обитателей Палестины мо-гла торжествовать только сильная вѣра израиля, пришед-шаго, однако, съ малымъ запасомъ ея къ наслѣдію своему. Но эта сторона дѣла не остановила вниманія автора, хотя здѣсь и удобно было соизмѣрить слабую вѣру израиля съ силою преградъ, долженствовавшихъ испытать эту вѣру.

Что касается источниковъ, которыми пользовался авторъ, то рецензентъ долженъ отмѣтить, что и въ этомъ отношеніи въ разсматриваемомъ сочиненіи есть нѣкоторые недочеты. Г. Курсину, какъ библеисту—историку, остались неизвѣстными нѣкоторые новые труды по Библейской исторіи, напр. Kittel'я, König'a, а изъ старыхъ, напр., Kohler'a. Онъ упустилъ изъ виду также трудъ Ebers'a [Durch Gosen]. Но подобныя недочеты неизбежны почти въ каждой работѣ. А въ работѣ г. Курсина эти недочеты какъ бы тонуть въ общей серьезной аргументаціи автора, который съ усердіемъ и любовью изучалъ данныя Библии, внимательно анализировалъ не только текстъ пятокнижія, но и писанія пророковъ (Амоса, Осіи, Іезекіиля), у которыхъ, нужно замѣтить, онъ нашель не мало цѣнныхъ указаній на интересующую его эпоху. Свои сужденія авторъ всюду повѣряетъ данными святоотеческой литературы. Русская библейско-историческая литература изучена имъ достаточно полно. Сочиненіе написано хорошимъ литературнымъ языкомъ. Мысли автора, за рѣдкими исключениями, сжаты и выразительны.

Въ виду сказаннаго мы признаемъ сочиненіе г. Курсина обстоятельною кандидатскою работою, заслуживающею полнаго балла“.

б) Экстраординарнаго профессора священника *Е. А. Воронцова*;

„Сочиненіе г. Курсина состоитъ изъ небольшого введенія и 5 главъ. Въ первой главѣ авторъ описываетъ жизнь народа Божія въ Египтѣ и его нравственное состояніе во время странствованія до Синая, во второй—событія у горы Синая, въ третьей—событія, имѣвшія мѣсто отъ Синая до границъ земли обѣтованной, въ четвертой—событія, происшедшія при послѣдующемъ странствованіи въ пустынь, на каковое былъ осужденъ Израиль, въ пятой—событія, отмѣчающія окончаніе эпохи странствованія по пустынь.

Сочиненіе составлено по русскимъ и иностраннымъ пособіямъ и свидѣтельствуетъ о достаточномъ навыкѣ въ литературныхъ работахъ, только о научномъ экзегесисѣ авторъ имѣетъ смутное представленіе, о чемъ говорить, напримѣръ, экскурсъ объ Азавелѣ, а особенно разсужденіе по поводу Амоса 5, 25 и 26. Степени кандидата авторъ заслуживаетъ“.

26) О сочиненіи студента *Лебедева Николая* на тему: „Отецъ Іоаннъ Сергіевъ Кронштадтскій, какъ пастырь“.

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„Исторія русскаго пастырства не блещетъ именами выдающихся носителей чисто-пастырскаго духа. Вѣрнѣе сказать, она бѣдна ими до крайности. Правда, исторія Русской Церкви знаетъ не мало людей выдающихся и даже великихъ, проходившихъ архипастырское и пастырское служеніе, но великія дѣла и великіе таланты, которыми проявили они себя въ исторіи, не принадлежать къ сферѣ чисто-пастырскаго дѣланія. Были среди нихъ люди великаго и даже геніальнаго ума, выдающихся *ученыхъ* дарованій и трудовъ, были люди выдающихся *административныхъ* дарованій, были люди великаго личнаго аскетизма, были, наконецъ, люди выдающагося ораторскаго таланта, но съ трудомъ можно указать нѣсколько именъ носителей выдающагося собственно пастырскаго творческаго духа, или точнѣе творческаго пастырскаго *сердца*, того сердца, которое не номинально только, а фактически-реально въ непосредственно-личномъ общеніи объемлетъ своею сострадающею любовью каждую чужую душу, какъ свою собственную. И если такихъ выдающихся носителей пастырскаго сердца исторія русскаго пастырства знаетъ не много, то *великихъ* носителей *геніально-моцнаго* пастырскаго сердца, *геніевъ* пастырскаго духа она не видѣла вовсе до послѣдняго времени. Но вторая половина минувшаго вѣка искупила великую скудость исторической жизни русскаго пастырства: она дала генія пастырскаго духа. То былъ недавно почившій отецъ Іоаннъ Сергіевъ Кронштадтскій.—Исслѣдованіе жизни и дѣятельности этой безпримѣрной въ исторіи русскаго пастырства личности—задача самой высокой научно-пасторологической цѣнности и глубочайшаго интереса. Г. Лебедевъ вполне понялъ эту цѣнность своей задачи и работалъ съ живѣйшимъ интересомъ, который усугублялся еще тѣмъ, что онъ самъ во дни дѣтства имѣлъ возможность не разъ непосредственно видѣть о. Іоанна въ домашнемъ кругу, а при написаніи своей работы бесѣдовать съ лицами, стоявшими весьма близко къ великому русскому пастырю. Благодаря послѣднему обстоятельству, въ рукахъ нашего автора оказался драгоцѣнный матеріалъ для

характеристики о. Іоанна — подлинная рукопись обширнаго „Дневника“ о. Іоанна, относящагося къ первымъ годамъ его пастырскаго служенія и доселѣ еще неизданнаго. Вооружившись этимъ новымъ рукописнымъ матеріаломъ, изучивши старательно весь уже изданный матеріаль, состоящій какъ изъ самыхъ твореній кронштадтскаго пастыря, такъ и изъ довольно значительной литературы о немъ, г. Лебедевъ далъ обширный трудъ, цѣнный какъ съ научной, такъ и съ назидательно-практической точекъ зрѣнія.

Цѣнность труда г. Лебедева понижается слѣдующими его свойствами.

Въ первой части своей работы (стр. 26—512), имѣющей задачей представить „взглядъ о. Іоанна на пастырство, его задачи и средства“, авторъ впадаетъ въ крупную ошибку методологическаго свойства. Для надлежащей научной ориентировки въ пасторологическихъ вопросахъ мною было предложено автору прежде изученія твореній о. Іоанна ознакомиться съ русской научно-пасторологической литературой. Г. Лебедевъ выполнилъ это требованіе самымъ добросовѣстнымъ образомъ и въ результатъ выработалъ совершенно правильный научный взглядъ по вопросамъ пастырства; но затѣмъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ взглядомъ лишь въ качествѣ ученаго аппарата для пасторологическаго анализа твореній о. Іоанна, авторъ просто слилъ элементы выработаннаго имъ собственнаго взгляда на пастырство съ сужденіями о. Іоанна въ одно цѣлое. Получилась довольно обширная, основательно продуманная, съ серьезной эрудиціей построенная система Пастырскаго Богословія, которая, разсматриваемая безотносительно, дѣлаетъ честь автору; но... это—система, имѣющая воззрѣнія о. Іоанна лишь въ качествѣ одного изъ основныхъ источниковъ, но не система воззрѣній о. Іоанна, не „взглядъ о. Іоанна на пастырство, его задачи и средства“.

Расширивъ такимъ образомъ задачу первой части своей работы и потративъ на выполненіе ея большую часть года, авторъ принужденъ былъ условіями времени при написаніи второй части своей работы (стр. 512—714), посвященной характеристикѣ „пастырской жизнедѣятельности о. Іоанна“, поставить свое изложеніе въ рамки болѣе узкія, чѣмъ то позволялъ находившійся въ его распоряженіи матеріаль и главнымъ

образомъ рукописный „Дневник“, оставшіяся использованнымъ сравнительно мало. Объ этомъ слѣдуетъ очень пожалѣть, особенно въ виду того, что во второй части своего сочиненія авторъ пишетъ наиболѣе живо и, можно сказать, увлекательно, какъ человѣкъ вполне овладѣвшій своимъ предметомъ. Непосредственныя личныя впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ отъ о. Іоанна, и бесѣды съ лицами, находившимися въ близкомъ общеніи съ о. Іоанномъ, даютъ здѣсь автору возможность внести цѣнныя исправленія въ прежнія свѣдѣнія о различныхъ сторонахъ жизнедѣятельности гениальнаго пастыря Русской Церкви (напримѣръ, по вопросу объ импровизаціи литургійныхъ молитвъ (стр. 576—678).

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ съ лихвою. Отъ души желаю ему энергіи для дальнѣйшаго восполненія и переработки своего труда въ интересахъ русской пасторологической науки“.

б) Экстраординарнаго профессора священника *Д. В. Рождественскаго*:

„Заканчивая свою работу, мы съ глубокимъ сожалѣніемъ оставляемъ перо... Много и пріятныхъ минутъ доставила намъ она, причинила много и скорбныхъ переживаній. *Особенно первая ея часть*“... (стр. 716). Подчеркивая послѣднія слова заключительной ламентации автора, не могу не выразить сожалѣнія, что именно первая часть его работы—та часть, въ которой онъ вышелъ за предѣлы своей темы, причинила ему „много скорбныхъ переживаній“. Авторъ вполне удовлетворилъ бы требованію темы, если бы представилъ одну вторую часть, въ которой онъ далъ описаніе жизни и пастырской дѣятельности о. Іоанна. (Конечно, многое изъ того, что вошло въ первую часть его сочиненія, было бы умѣстно и во второй). Сочиненіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлено, нуждается въ двухъ поправкахъ: части слѣдуетъ переставить одну на мѣсто другой и къ заглавію присоединить, напр., такой подзаголовокъ: „Жизнь и пастырская дѣятельность о. Іоанна Кронштадтскаго. Взгляды о. Іоанна на сущность пастырскаго служенія, его задачи и средства“.

Въ рецензируемомъ сочиненіи авторъ обнаружилъ примѣрное трудолюбіе и искреннюю заинтересованность, даже

увлеченіе предметомъ своей работы. Какъ и всякое увлеченіе, оно повліяло на качество представленной работы отчасти и въ нежелательномъ смыслѣ. Проникшись глубочайшимъ уваженіемъ къ свѣтлой личности о. Іоанна, дорожа каждымъ его словомъ, авторъ, на протяженіи своего сочиненія, приводитъ многочисленныя (нерѣдко, очень обширныя) выдержки изъ печатныхъ сочиненій о. Іоанна, равно какъ изъ неизданнаго дневника его за многіе годы. Весьма часто дѣлаются болѣе или менѣе обширныя выписки, заключающія оригинальные взгляды или оригинальныя выраженія знаменитаго Кронштадтскаго пастыря. Примѣры: стр. 159—о различіи между книгой, книжкой и книжонкой; стр. 205—206—о внѣшней и внутренней жизни прихода, стр. 263—о Цѣркви Христовой, какъ духовной наковальнѣ; стр. 370—о томъ, что „не все чужими словами бесѣдовать съ Богомъ“, стр. 564—о томъ, что „не слѣдуетъ брать науку въ критику Библии“; стр. 636—637—о преподаваніи вообще и Закона Божія, въ частности (см. также стр. 47, 69, 76, 77, 132, 135, 140, 203, 222, 260, 277, 357, 533—534, 614). Но на ряду съ этими, въ высокой степени интересными и поучительными выписками, въ сочиненіи встрѣчаемъ и такія, которыя заключаютъ разсужденія о. Іоанна, не представляющія ничего оригинальнаго. На стр. 36, сдѣлавъ подобную выписку изъ сочиненій о. Іоанна, авторъ замѣчаетъ: „итакъ „побудить человѣка къ грѣху“, „искусить человѣка“, „соблазнить“ и т. д.—вотъ дѣла діавола, какъ они представляются религіозному сознанію о. Іоанна“. Но чьему же сознанію представляется это въ иномъ свѣтѣ? На стр. 110—111 обширныя выписки о дѣйствіи страстей на душу; но точно такія же сужденія можно встрѣтить въ любой проповѣди на эту тему. На стр. 182 читаемъ извлеченіе изъ сочиненія о. Іоанна: „не Божескимъ естествомъ, которое не подвержено страданію, а человѣческимъ страдалъ Христосъ и умеръ тѣломъ, а не Божествомъ, и принялъ смерть и страданія добровольно; иначе же страданія и смерть не могли бы коснуться Его Богочеловѣческой души и тѣла“. Стр. 399: „какъ мы видѣли, о. Іоаннъ смотрѣлъ на человѣка и его назначеніе очень высоко. По нему человѣкъ, это „отмѣнное величественное твореніе Божіе на землѣ“, „созданное по образу и подобию Самого Бога“... „обладаетъ разумомъ“ и т. д. (см. также стр

155, 183, 236, 321, 395, 400—401). Кроме того, черѣдки случаются, когда рассужденія о. Іоанна или отдѣльныя выраженія, безъ особой нужды, повторяются.

Прилежное изученіе сочиненій о. Іоанна наложило отпечатокъ и на стиль автора. О. Іоаннъ, разъясняя истины вѣры и нравственности людямъ богословски необразованнымъ, а чаще всего совѣмъ необразованнымъ, поневолѣ долженъ былъ часто повторяться, возвращаться къ сказанному ранѣе, приводить множество пояснительныхъ примѣровъ. Въ своемъ дневникѣ онъ высказываетъ неразъ одну и ту же мысль, но по разнымъ поводамъ, подъ различными впечатлѣніями. Автору рецензируемаго сочиненія слѣдовало бы имѣть въ виду, чѣмъ это вызывалось у о. Іоанна, и не быть многословнымъ и не повторяться въ своихъ собственныхъ сужденіяхъ; такъ какъ въ сочиненіи на ученую степень это совѣмъ неумѣстно. Странно было бы, напр., если бы пишущій о преосвящ. Теофанѣ Затворникѣ сталъ подражать его чуждому всякаго изящества и, быть можетъ, нарочито грубому стилю.

Лучшая часть сочиненія—біографія и характеристика личности о. Іоанна, написанная съ искреннимъ воодушевленіемъ, невольно заинтересовывающая и увлекающая читателя. Здѣсь онъ представленъ не какъ великій человекъ и знаменитый пастырь-учитель, не какъ только недосыгаемый образецъ для подражанія; а какъ живая личность, которой несовѣмъ чужды мелочныя житейскія заботы и общечеловѣческія слабости (стр. 537—538, 544 и др.). Уваженіе къ личности о. Іоанна отъ этого нисколько не уменьшается, а читающій убѣждается въ безпристрастіи автора и съ полнымъ довѣріемъ относится къ сообщаемому имъ о досточтимомъ пастырѣ. Но и эту часть загромаждаютъ иногда совѣмъ лишнія выписки изъ біографическихъ и автобіографическихъ матеріаловъ, касающихся жизни и дѣятельности о. Іоанна. Кроме повтореній и многословія, въ стилѣ автора необходимо еще отмѣтить витѣватость и по мѣстамъ нѣкоторую игривость слога (стр. 1, 7, 147—148, 523). Примѣры неудачныхъ оборотовъ и выраженій: стр. 6 — „урвать нѣсколько мпнуть“, стр. 32—„замѣтно дѣйствіе посторонней злой силы, которая противодѣйствуетъ усиливающейся въ насъ доброй силѣ“; стр. 66 — „разсыпалось духовное единство души“

стр. 165 — „эфемерное счастье причудливыхъ миражей“
стр. 233 — „добравшись до „человѣка“, пастырь сострадаетъ ему“; стр. 577 — „неполнота нашего очерка“, стр. 593 — „отправиль на путь истинный“ (см. также стр. 8, 39, 56, 154, 234, 250, 488, 490, 546, 595).

Въ частности, вызываютъ недоумѣніе слѣдующія выраженія: стр. 2 — 3: „безпрерывныя паломничества на его (о. Іоанна) могилку, наблюдаемыя постоянно въ Іоанновскомъ монастырѣ въ *Кронштадтѣ*“; стр. 9: „онъ помогаль всѣмъ, не получая самъ помощи ниткуда“; стр. 249: „Церковь Христова является прямой противоположностью грѣшному міру“.

Общій выводъ изъ сказаннаго: г. Лебедевъ изучилъ основательно печатныя произведенія о. Іоанна и его обширныя, доселѣ неизданныя погодныя записки (дневникъ); ему пришлось прочесть большое число книгъ и статей, посвященныхъ о. Іоанну, и протудировать немалое число сочиненій по пастырскому богословію и аскетикѣ. Къ своей работѣ онъ отнесся съ полнымъ вниманіемъ и интересомъ. Что касается недостатковъ изложенія, то они признаются самимъ авторомъ (стр. 718), и безъ этихъ недостатковъ не обходится, можно сказать, ни одно кандидатское сочиненіе. Весьма желательна обработка рецензируемаго труда для печати. Для этого автору слѣдуетъ 1) выбросить все, прямо не относящееся къ личности, дѣятельности и взглядамъ о. Іоанна; 2) многое, взятое изъ печатныхъ сочиненій о. Іоанна, также опустить и взамѣнъ этого увеличить количество выписокъ изъ неизданныхъ его писаній; 3) при переработкѣ сочиненія какъ можно чаще *stylum vertere*.

Степени кандидата богословія авторъ, безъ всякаго сомнѣнія, заслуживаетъ“.

27) О сочиненіи студента *Левкова Владимира* на тему: „Основы умственнаго и религіозно-нравственнаго воспитанія въ до-школьномъ возрастѣ“.

а) И. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостына*:

„Положительному изслѣдованію избраннаго вопроса г. Левковъ предпосылаетъ краткій историческій очеркъ, въ которомъ излагаются мысли о до-школьномъ воспитаніи, принад-

лежація такимъ выдающимся педагогамъ, какъ Ам. Коменскій, Руссо, Песталоцци, Фребель. Очеркъ этотъ основанъ исключительно на „Исторіи педагогики“ К. Шмидта и потому не представляетъ особаго интереса.

Гораздо важнѣе положительная часть изслѣдованія, основанная на внимательномъ изученіи весьма обширной литературы по дѣтской и, общей психологіи (литературы русской и иностранной). Здѣсь сгруппировано множество интересныхъ наблюденій и опытовъ, дающихъ основаніе для важныхъ педагогическихъ выводовъ. Интересъ изслѣдованія въ значительной мѣрѣ повышается еще оттого, что, кромѣ означенной психологической литературы, авторъ широко использовалъ біографическіе очерки наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей человѣчества, начиная съ поэтовъ и музыкантовъ (Байронъ, Шекспиръ, Гёте, Моцартъ, Бетховень, Шуманъ, Шопенъ) и кончая учеными историками и естествовѣдами (Маколей, С. М. Соловьевъ, Ньютонъ, Галилей, Линней, Эдиссонъ и др.).

Благодаря всему этому сочиненіе г. Левкоева производитъ пріятное впечатлѣніе исчерпывающей полноты и серьезности и, конечно, даетъ автору полное право на степень кандидата богословія“.

б) И. д. доцента А. М. *Туберовскаго*:

„Разработанная г. Левкоевымъ тема представляетъ собою одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ педагогики. Въ самомъ дѣлѣ, если не легко разобратся въ душу взрослого чело-вѣка, съ ея болѣе или менѣе дифференцировавшимся и установившимся содержаніемъ, при полномъ свѣтѣ самоанализа: то что сказать о внутреннемъ мірѣ ребенка, этомъ психическомъ хаосѣ, въ который бываютъ погружены не только мысли, чувства, желанія и т. п. обнаруженія душевной жизни, но и такая общая форма этихъ явленій, какъ сознаніе? И, однако, автору удалось болѣе, чѣмъ хорошо, справиться съ своей сложной задачей.

Этому помогли, во-первыхъ, несомнѣнный личный интересъ автора къ „основамъ умственнаго и религіозно-нравственнаго воспитанія“ дитяти, что можно констатировать, между прочимъ, на основаніи нѣкоторыхъ, какъ бы оброненныхъ, замѣчаній автобіографическаго характера (стрр. 104, 138, 182,

185); во-вторыхъ, обиліе использованнаго авторомъ матеріала, позволяющаго иллюстрировать едва ли не каждое положеніе тѣмъ или другимъ фактомъ изъ педагогической практики; въ-третьихъ, ясная логическая мысль, вполне опредѣленная въ своемъ основномъ, религіозно-нравственномъ, направленіи, но въ высшей степени осторожная и какъ бы пугающаяся поспѣшныхъ обобщеній; наконецъ, правильный литературный языкъ, мѣстами не лишенный образности и картинности (Лучшій примѣръ—на стр. 156. Какъ на погрѣшность со стороны рѣчи, слѣдуетъ указать автору на злоупотребленіе его словомъ „сильный“: „сильный шагъ впередъ“—стр. 64; „сильное значеніе“—стр. 122).

Изъ несовершенствъ работы можно отмѣтить: 1) орфографическія ошибки („антропоморфизмъ“—248 стр., „захочемъ“—266 стр., „участвуетъ“—274 стр.); 2) пропуски въ нѣкоторыхъ случаяхъ словъ (напр. на стр. 301), очевидно, изъ-за спѣшной переписки, въ общемъ видѣ довольно культурной, если не считать частаго игнорированія знаковъ препинанія; 3) оговорки, къ которымъ принадлежатъ: смѣшеніе органовъ тѣла съ ихъ функціями (рѣчь и слухъ—стр. 110) и названіе Кальвина „отцомъ ученія о предопредѣленіи“ (316 стр.), тогда какъ автору, по крайней мѣрѣ, должно быть извѣстно, что это ученіе Кальвиномъ могло быть заимствовано у бл. Августина.

Важнѣе недостатки, касающіеся содержанія. Сюда относится: а) незаконченность сочиненія. Авторъ не сдѣлалъ не только никакихъ выводовъ, но и простого обобщенія изъ сказаннаго имъ въ сочиненіи. Объясняется ли это недостаткомъ времени или нежеланіемъ автора имѣть шаблонное „заключеніе“ къ своему труду?—б) несоответствіе темы сочиненія съ изложеніемъ, взятымъ въ цѣломъ видѣ. Не понятно, почему авторъ, давая въ своей работѣ цѣлую психологію дѣтской души, назвалъ ее „Основы умственнаго и религіозно-нравственнаго воспитанія въ дошкольномъ возрастѣ“, когда умственное и религіозно-нравственное воспитаніе трактуется лишь, какъ частный моментъ всего излагаемаго здѣсь дѣла воспитанія дѣтской души вообще?

Не смотря, однако, на указанныя несовершенства, работа г. Левкоева читается съ удовольствіемъ и интересомъ. Искомой степени авторъ заслуживаетъ безъ всякаго сомнѣнія“.

28) О сочиненіи студента *Лисняка Діонисія* на тему: „Данныя Библии для рѣшенія вопроса о человѣческихъ жертвахъ у древнихъ израильтянъ (разборъ раціоналистическихъ гипотезъ Моммерта и др.)“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Сочиненіе студента Діонисія Лисняка представляетъ изъ себя одинъ трактатъ, въ которомъ нѣтъ дѣленія по главамъ. Но по содержанию оно распадается на нѣсколько частныхъ вопросовъ. Послѣ общаго введенія авторъ разбираетъ различныя гипотезы, въ которыхъ израильтяне по своимъ религиознымъ вѣрованіямъ и по своему культу приравниваются къ другимъ народамъ древняго міра, въ культѣ которыхъ человѣческія жертвоприношенія занимали не послѣднее мѣсто. Съ цѣлію уясненія сущности духовной религіи израиля авторъ разсматриваетъ всѣ тѣ библейскія данныя, въ которыхъ раціоналистическая критика хочетъ видѣть указаніе на существованіе у древнихъ израильтянъ человѣческихъ жертвоприношеній не какъ исключенія, а какъ нормальнаго явленія, вытекавшаго, будто-бы, изъ требованій самаго культа.

Для обоснованія своего отрицательнаго отношенія къ мнѣніямъ раціоналистовъ авторъ устанавливаетъ правильный взглядъ на значеніе у израильтянъ обрѣзанія, херема, закона первородства, разсматриваетъ извѣстный изъ книги Судей „обѣтъ Іефвая“, а также случаи проведенія чрезъ огонь дѣтей израильскихъ и пророческія обличенія, въ которыхъ изрекалась угроза на приносившихъ израильскихъ дѣтей во всеожженіе Ваалу, на проливавшихъ кровь невинныхъ въ долинѣ Енномовой, какъ „въ долинѣ убіенія“ (Іерем. 19, 3—6; 32, 35; Іезек. 16, 20—21 и др.); наконецъ, онъ останавливаетъ вниманіе на такихъ фактахъ, какъ, напримѣръ, взятіе Эноха живымъ на небо, смерть Моисея—въ чемъ нѣкоторые видятъ намекъ на принесеніе въ жертву этихъ великихъ ветхозавѣтныхъ мужей.

Изъ сказаннаго видно, что авторъ широко взглянулъ на свою задачу. Можно сказать, что ни одно изъ библейскихъ данныхъ, приводимыхъ раціоналистами и особенно Моммертомъ (*Menschenopfer bei den alten Hebräern. Leipzig. 1905*) для обоснованія мысли о существованіи у израильтянъ кровавыхъ человѣческихъ жертвъ, какъ законнаго явленія, не оставлено

г. Лиснякомъ безъ вниманія. При этомъ онъ приводитъ на справку не только сужденія новѣйшихъ рационалистовъ, но и представителей рационализма первой половины 19-го столѣтія (напр. Ghillanys).

Въ частности, общія соображенія автора, изобличающаго несостоятельность рационалистическихъ гипотезъ по данному вопросу, довольно обстоятельны. Онъ съ пониманіемъ дѣла показываетъ, что эволюціонная точка зрѣнія совершенно не можетъ имѣть мѣста въ примѣненіи къ богооткровенной ветхозавѣтной религіи.

Но, давъ надлежащую постановку своему вопросу и въ цѣломъ правильно разрѣшивъ его, авторъ не всегда авторитетенъ въ рѣшеніи вопросовъ, относящихся къ исторіи религіи. Такъ, на примѣръ, излагая взгляды Mader'a на чело-вѣческія жертвоприношенія въ Египтѣ, гдѣ израильтяне могли, будто бы, познакомиться съ жертвами подобнаго рода, онъ почти не оцѣниваетъ данныхъ, приводимыхъ Mader'омъ для рѣшенія спорнаго вопроса о существованіи чело-вѣческихъ жертвоприношеній въ древнемъ Египтѣ.

Недостаточно тщательно анализируетъ г. Лиснякъ и текстъ библейскихъ данныхъ. Приводя справки изъ Библии о проведеніи дѣтей израильскихъ чрезъ огонь, о повелѣніи Господа „повѣсить всѣхъ начальниковъ народа предъ солнцемъ“ (Числ. 25, 4), авторъ предпочитаетъ детальному разбору этихъ мѣстъ общія соображенія, сущность которыхъ сводится къ тому, что „если чело-вѣческія жертвы и приносились въ средѣ израиля, то таковые случаи были исключеніями“. Послѣднія соображенія, конечно, вѣрны, но они могутъ быть серьезно мотивированы лишь на данныхъ самой же Библии; чего не видимъ мы у г. Лисняка.

Заключительныя разсужденія автора о значеніи чело-вѣческой крови вообще и въ частности у израильтянъ также слишкомъ общи.

Но и при указанныхъ недостаткахъ сочиненіе г. Лисняка можетъ быть признано хорошею кандидатскою работою. Его поверхностное отношеніе къ нѣкоторымъ даннымъ Библии не есть общія черта его работы. При рѣшеніи нѣкоторыхъ сложныхъ вопросовъ (напр. объѣтъ Іеффея) онъ обнаруживаетъ знанія еврейской филологіи и этимологіи. Библия, предпочтительно въ славянскомъ и русскомъ переводѣ, изучена

имъ въ достаточной степени. Справлялся авторъ и съ свято-отеческою литературою и извлекалъ изъ нея полезный для него матеріалъ. Литература вопроса какъ иностранная, такъ и русская изучена имъ въ надлежащей мѣрѣ. Въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ авторъ показалъ способность и умѣніе разбираться въ спутанныхъ и иногда совершенно беспочвенныхъ сужденіяхъ его противника. Послѣднія соображенія даютъ намъ право на признаніе сочиненія студента Лисняка исполнѣ достаточнымъ для полученія имъ степени кандидата богословія“.

б) И. д. доцента *Н. Д. Протасова*:

„Вопросъ о человѣческихъ жертвахъ у древнихъ израильтянъ—это одинъ изъ тѣхъ пикантныхъ для раціоналистическихъ изслѣдователей пунктовъ, гдѣ, повидимому, легко и просто свести богооткровенную религію избраннаго народа Божія съ его пьедестала духовной обособленности и объяснить все натурализмомъ. Г. Лиснякъ понялъ эту особенность своей темы и постарался въ предѣлахъ времени и доступной литературы дать посильный отвѣтъ Моммерту и др. Онъ идетъ по слѣдамъ за раціоналистами, разбираетъ почти каждое ихъ доказательство и пр. Обрѣзаніе, законъ первородства, загадочный по своимъ слѣдствіямъ „обѣтъ Іефѳая“, случаи проведенія чрезъ огонь дѣтей, менѣе ясные факты, какъ—взятіе Эноха живымъ на небо, смерть Моисея—все это авторъ разсматриваетъ, анализируетъ и показываетъ, насколько неправа критика, видя въ этихъ фактахъ доказательство ихъ нормальности, имманентности въ области ветхозавѣтныхъ религіозныхъ представленій народа Божія. Главнымъ недостаткомъ сочиненія г. Лисняка является его краткость. Для полноты рѣшенія поставленнаго вопроса нужно было обратиться къ спеціальному обслѣдованію жертвеннаго культа египтянъ, ассиріянъ и др. окружавшихъ народовъ, а не давать отрывочныя замѣтки, которыя мало уясняютъ дѣло и для самого автора. Ненаучный пріемъ—ссылаться на Масперо (стр. 64), Діодора, Плутарха (стр. 65), Сократа (стр. 67), не указывая изданій.

Свѣдѣнія о жертвахъ у древнихъ арабовъ (стр. 75 сл.) не совсѣмъ точны. Авторъ и здѣсь не указываетъ, откуда беретъ онъ эти свѣдѣнія.

Очень неприятное впечатлѣніе производитъ отсутствіе въ сочиненіи г. Лисняка дѣленія на главы и подробнаго оглавленія.

Однако, не смотря на эти формальные недостатки, которые въ значительной мѣрѣ обусловлены общей спѣшностью работы и недостаткомъ нужнаго времени, авторъ далъ правильное освѣщеніе настоящаго интереснѣйшаго вопроса. Особенно это нужно сказать относительно „обѣта Іефеая“ (стр. 125—166), который подвергнутъ г. Лиснякомъ подробному и достаточно обстоятельному анализу. Знанія еврейскаго, нѣмецкаго и латинскаго языковъ въ предѣлахъ словарной работы у автора хорошія.

За свое сочиненіе г. Лиснякъ заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

29) О сочиненіи студента *Мальгина Павла* на тему: „Сравнительная характеристика религіозныхъ воззрѣній Достоевскаго и Ибсена“.

а) И. д. доцента *Н. У. Туницкаго*:

„Вводя читателя въ кругъ религіозныхъ воззрѣній Достоевскаго и Ибсена, авторъ устанавливаетъ три основныя христіанскія идеи, которыми создается почва, сближающая религію того и другого писателя. это—идея жертвы, идея наслѣдственнаго грѣха и идея раскаянія и исправленія (гл. I). Въ дальнѣйшемъ онъ останавливается на двухъ образахъ, какъ наиболѣе выразительныхъ въ творествѣ Ибсена и Достоевскаго—на Брандѣ (гл. II) и Зосимѣ (III)—и характеризуетъ ихъ полярно-противоположными чертами. Наконецъ, построив свое сочиненіе по системѣ концентрическихъ расходящихся круговъ, исходя изъ образовъ Бранда и Зосимы, онъ послѣдовательно разсматриваетъ религіозныя идеи Достоевскаго (гл. IV) и Ибсена (гл. V), въ связи съ исторіей развитія творчества обоихъ писателей, и классифицируетъ типы Достоевскаго (гл. VI) и Ибсена (гл. VII) съ точки зрѣнія ихъ религіознаго и моральнаго содержанія, представляя проблему истины, добра и красоты въ рѣшеніи того и другого писателя. Въ заключеніи, обобщая все сказанное, онъ, между прочимъ, говоритъ: „Ибсенъ и Достоевскій—представители двухъ религіозныхъ міровоззрѣній на рубежѣ XIX и XX столѣтій. Эти міровоззрѣнія борются между собою въ

настоящее время среди людей, имѣющихъ религіозную жажду... На одной почвѣ развертываются воззрѣнія Достоевскаго и Ибсена, но идутъ въ разныя стороны. Достоевскій—апостоль смиренія и любви, Ибсенъ—проповѣдникъ челоѣческой гордости и нравственнаго долга; къ сильнымъ обращается Ибсенъ, забывая слабыхъ, къ слабымъ обращается Достоевскій, хотя оперируетъ и надъ сильными“. „И если намъ выбирать изъ этихъ двухъ религіозныхъ міровоззрѣній, заканчиваетъ онъ, то, конечно, выборъ долженъ пасть на то, гдѣ есть мѣсто слабому челоѣку, гдѣ царитъ любовь, гдѣ Богъ—Отець вѣрующихъ и люди—братья, гдѣ нѣтъ пропасти между сильными и слабыми... Мы не послѣдуемъ за ибсенистами. Пусть въ другихъ отношеніяхъ мы согласны съ ними. Но въ религіозно-нравственномъ отношеніи нашъ призывъ: отъ Ибсена къ Достоевскому!“.. (стрр. 271, 272, 276).

Какъ научная историко-литературная и богословская работа, сочиненіе г. Мальгина является трудомъ, заслуживающимъ самой рѣшительной похвалы за глубину и серьезность изученія подлежащаго матеріала, зрѣлость и обоснованность собственныхъ сужденій автора, обнаруживающуюся сплу обобщающей мысли и хорошее литературное изложеніе.

Въ упрекъ автору можно поставить только нѣкоторыя мелочи. Такъ, въ сочиненіи отсутствуютъ обобщающія заглавія отдѣльныхъ главъ, вслѣдствіе чего читатель обрекается на самостоятельныя попытки обобщенія частныхъ мыслей, входящихъ въ каждую главу. Отмѣтимъ также недостаточную ясность въ разграниченіи понятій—тѣлесно-душевнаго и духовнаго въ примѣненіи ихъ къ художественному творчеству (стр. 1 и слѣд.).

Но этими и подобными имъ другими недостатками не слоняются отъ читателя обильныя достоинства сочиненія, дающія автору неоспоримое право на полученіе степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Работа г. Мальгина достаточно полно и разносторонне выясняетъ предметъ своей темы. Авторъ, основательно изучившій произведенія Достоевскаго и Ибсена, сумѣлъ въ сжатомъ и отчетливомъ изложеніи обрисовать какъ сходство,

такъ и различіе между религіознымъ міровоззрѣніемъ русскаго беллетриста—мыслителя, „апостола смиренія и любви“, и религіознымъ идеаломъ норвежскаго драматурга, проповѣдника суровой законнической морали; съ его культомъ „одинокимъ личностямъ“, гордой сознаниемъ своей духовной мощи, и самоотверженно выполненнаго нравственнаго долга. Литературная сторона работы г. Мальгина, за очень рѣдкими исключеніями, безукоризненна. Его сочиненіе вообще читается съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Особенностью работы г. Мальгина является почти полное отсутствіе въ ней обычныхъ подстрочныхъ ссылокъ на вспомогательную литературу темы. Авторъ, заявляя (въ „предисловіи“) о своемъ знакомствѣ съ ней, отсутствіе опредѣленныхъ ссылокъ на нее мотивируетъ тѣмъ соображеніемъ, что его задачей было раскрыть *свой* взглядъ на религіозное міровоззрѣніе Достоевскаго и Ибсена, а при такой постановкѣ вопроса попутное привлеченіе къ дѣлу вспомогательной литературы лишь затемняло бы изложеніе автора. За этимъ соображеніемъ г. Мальгина, конечно, нужно признать значительную долю основательности. Но, думается, было бы нелишнимъ, если бы авторъ посвятилъ особую главу историко-критическому обзору существующихъ въ литературѣ взглядовъ на религіозное творчество Достоевскаго и Ибсена. При наличности такого обзора устанавливаемый авторомъ *свой* взглядъ по этому вопросу выступалъ бы передъ читателемъ съ бѣльшей яркостью.

Кандидатской степени авторъ заслуживаетъ“.

30) О сочиненіи студента *Миловидова Ивана* на тему: „Русская публицистическая проповѣдь второй половины XIX вѣка и ея отношеніе къ современной свѣтской публицистикѣ“.

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„Задача, которая была поставлена г. Миловидову,—теоретико-гомилетическаго свойства: путемъ сравнительнаго анализа русской классической публицистической проповѣди второй половины XIX вѣка и современной ей не менѣ блестящей свѣтской публицистики выяснить природу и свойства публицистической проповѣди въ ея отличіи отъ свѣтской публицистики. Задача эта предъявляла къ автору рядъ

требованій въ отношеніи источниковъ и метода изслѣдованія, выполненныхъ имъ не одинаково удачно.

Съ источниками г. Миловидовъ ознакомился въ объемѣ, не позволяющемъ, въ условіяхъ находившагося въ распоряженіи автора времени, требовать ничего большаго. Авторъ ознакомился съ проповѣдями трехъ знаменитѣйшихъ представителей русской публицистической проповѣди—Никанора Херсонскаго, Іоанна Смоленскаго, Амвросія Харьковскаго, съ полными собраніями сочиненій четырехъ самыхъ выдающихся „властителей думъ“ 60—70-хъ годовъ—Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева и Михайловскаго. Изучилъ также авторъ длинный рядъ пособій, посвященныхъ обслѣдованію какъ историческихъ условій изучаемаго времени, такъ и жизни и литературныхъ трудовъ разсматриваемыхъ представителей проповѣди и публицистики. Трудлюбивое усердіе автора заслуживаетъ здѣсь полной похвалы.

Со стороны метода авторомъ допущены крупныя промахи. Въ 1-й главѣ своей работы авторъ разсматриваетъ публицистическую проповѣдь съ точки зрѣнія ея принциповъ, предметовъ и средствъ и характера рѣшенія существенныхъ вопросовъ жизни. Во 2-ой главѣ автору нужно было бы разсмотрѣть и свѣтскую публицистику непременно со всѣхъ *тѣхъ же* точекъ зрѣнія, чтобы выяснить существенныя черты сходства и различія природы публицистической проповѣди и свѣтской публицистики. Авторъ, вмѣсто того, во 2-ой главѣ занимается лишь изложеніемъ воззрѣній свѣтскихъ публицистовъ по тѣмъ же существеннымъ вопросамъ жизни, о которыхъ была рѣчь въ 1-ой главѣ, при чемъ и здѣсь, какъ и тамъ, не дѣлаетъ анализа этихъ воззрѣній съ точки зрѣнія лежащихъ въ ихъ основѣ матеріальныхъ принциповъ, а довольствуется простымъ приведеніемъ наиболѣе характерныхъ выдержекъ изъ источниковъ. При такой постановкѣ вопроса получается сопоставленіе разсматриваемыхъ явленій, съ одной стороны, логически неправильнымъ, односторонне-неполнымъ, а съ другой—вмѣсто аналитическаго—внѣшне-демонстративнымъ, изъ котораго выводовъ сколько-нибудь непосредственно логически не слѣдуетъ. То же самое нужно сказать о біографическихъ очеркахъ, которыми предваряются и та и другая главы. Но авторъ не замѣчаетъ этого и потому въ 3 и 4 главахъ прямо приступаетъ къ безацел-

ляціонному изложенію основныхъ чертъ сходства и различія природы разсматриваемыхъ явленій, предоставляя читателю самому догадываться, какъ и насколько утвержденія автора основываются на предшествующемъ изложеніи или даже вообще на источникахъ. Необоснованность сужденій автора въ 3 и 4 главахъ не мѣшаетъ однако имъ быть въ общемъ правильными; научной точностью формулировки они не отличаются, но все же безспорно свидѣлствуютъ, что авторъ былъ весьма близокъ къ успѣшному разрѣшенію поставленной имъ теоретико-гомилетической задачи.

Изложеніе автора живое и увлекательное, рѣдко встречающееся въ работахъ подобнаго рода. На всемъ протяженіи работы чувствуется неослабѣвающее воодушевленіе человека, который съ настойчивою энергіей ищетъ вездѣ освѣщенія проблемъ своего личнаго жизненнаго міросозерцанія.

Степени кандидата богословія г. Миловидовъ заслуживаетъ“.

б) Ординарнаго профессора *М. М. Тарьева*:

„Сочиненіе очень хорошее. Г. Миловидовъ внимательно изучилъ обширную литературу: 1) сборники поученій проповѣдниковъ-публицистовъ означеннаго времени — Иоанна еп. Смоленскаго, Никанора архіеп. Херсонскаго и Амвросія, архіеп. Харьковскаго, 2) сочиненія Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева и Михайловскаго, 3) цѣлый рядъ пособій. Планъ сочиненія въ общемъ соотвѣтствуетъ данной темѣ, но авторъ нѣсколько погрѣшаетъ излишнимъ вниманіемъ къ свѣтской публицистикѣ, какъ будто онъ пишетъ на такую тему: „Русская публицистика второй половины XIX вѣка—церковная и свѣтская въ ихъ взаимоотношеніи“. Нужно признать излишними, въ частности, біографіи (краткія) названныхъ свѣтскихъ публицистовъ, указанія на достоинства (удобства) и недостатки (неудобства) свѣтской публицистики въ лицѣ этихъ писателей. Свѣтскую публицистику г. Миловидову нужно было бы взять только для сравненія съ нею публицистики церковной. Сравненіе это должно было бы всецѣло послужить къ выясненію весьма важнаго принципиальнаго вопроса о задачѣ и границахъ публицистической проповѣди. У автора были подъ руками всѣ данныя для рѣшенія этого вопроса, но онъ излагаетъ матеріалъ слишкомъ схематично. Однако не трудно видѣть, что г. Мило-

видовъ работаль съ большимъ усердіемъ надъ своей темой. Онъ не только собралъ обильный матеріаль, но и изложилъ его стройно, хорошимъ литературнымъ языкомъ. Сужденія и выводы хорошо обоснованы. Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ вполне“.

31) О сочиненіи студента *Миртова Владиміра* на тему: „Земскій соборъ 1613 года и избраніе на царство Михаила Романова“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Прежде, чѣмъ начертать исторію Смуты“, такъ начинается авторъ свое сочиненіе (23), „представителю исторической науки необходимо рѣшить главный вопросъ о причинахъ, ее обусловившихъ“. Вѣроятно, для выясненія этихъ причинъ дѣлаются далѣе попытки дать общее опредѣленіе Смутѣ. Смута, оказывается,—„не революція, потому что поднялась не во имя политическаго идеала, хотя и нельзя отрицать присутствія въ ней политическихъ мотивовъ“ (23). Она „и не социальный переворотъ, такъ какъ она возникла не изъ социальнаго движенія, хотя въ дальнѣйшемъ развитіи съ ней сдѣланы стремленія нѣкоторыхъ слоевъ общества къ социальной перемѣнѣ“ (23). Попытки дать опредѣленіе Смутѣ кончаются, такимъ образомъ, неудачей, и авторъ предпочитаетъ оставить ее явленіемъ неопредѣленнымъ.

Трудно понять приведенныя положенія автора съ сопровождающими ихъ ограниченіями. Почему отсутствіе именно политическаго идеала препятствуетъ автору считать смуту революціей вообще? Развѣ революція непременно—политическій переворотъ? Развѣ не можетъ быть революція аграрной, экономической, социальной? Какъ понять эти заявленія автора о присутствіи въ смутѣ политическихъ мотивовъ и стремленій къ социальнымъ перемѣнамъ послѣ того, какъ отрицается и политическій, и социальный характеръ смуты? Видимо, автору не удалось выразить опредѣленно свою мысль. Неясности въ выраженіи мысли мы встрѣчаемъ и въ дальнѣйшемъ. Можно ли, напр., допускать такое противное всякой логикѣ сопоставленіе, какое дѣлаетъ авторъ на стр. 129: „Лучшіе русскіе люди оказались дальновиднѣе и болѣе на высотѣ призванія, чѣмъ боярскіе слои“—какъ будто бы въ боярскихъ слояхъ не могло быть также лучшихъ людей? Мѣ-

пають ясности мысли также и промахи слога, иногда пероховатаго: (30) „народъ... не занималъ... никакого самостоятельнаго значенія“, иногда страдающаго ненужной вычурностью: (162) „служилый официальный элементъ былъ главнымъ зданіемъ въ конституціи даннаго собора“.

Автору согласно его темъ надлежало дать анализъ состава дѣятельности избирательнаго земскаго собора 1613 г. Такой анализъ онъ и дѣлаеть, имѣя въ распоряженіи обильный документальный матеріалъ и обнаруживая начитанность въ литературѣ вопроса. Соборъ 1613 г., обстоятельства избранія Михаила Романова, условія, на которыхъ царь былъ избранъ,—все это не разъ затрогивалось нашей исторической литературой; тѣмъ не менѣе и въ составѣ, и въ дѣятельности собора и въ особенности въ условіяхъ избранія остается много спорнаго, надъ чѣмъ и должно поработать. Къ сожалѣнію, однако, эту работой авторъ не ограничился и совершенно непонятно, зачѣмъ предпослалъ анализу состава и дѣятельности собора 1613 г. обширное, растянувшееся на 79 страницъ (48—127) изложеніе хода смуты, начиная съ воцаренія Ѳедора Ивановича. Неужели въ этомъ очеркѣ, представляющемъ изъ себя не болѣе какъ пересказъ давно сказаннаго въ литературѣ вопроса, авторъ выполняетъ свое намѣреніе „начертать“ исторію смуты, о чемъ говорить въ началѣ сочиненія? Всю первую часть сочиненія я рѣшительно считаю лишней, ненужной и только напрасно раздувающей объемъ сочиненія. Совершенно непозволительнымъ приемомъ я точно также считаю обширнѣйшія выписки въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ второй части изъ сочиненій Ключевского и Платонова. Такъ на стр. 136—154 находимъ частію буквальную, частію *in extenso* выписку изъ статьи Ключевского „Составъ представительства на земскихъ соборахъ“—(См. *Ключевскій*, *Опыты и изслѣд.* стр. 509 и сл.); на стр. 196—200 такую же выписку изъ „Курса русской исторіи“ того же автора (III, 78 и сл.); на стр. 165—выписка примѣчанія изъ статьи проф. Платонова „Замѣтки по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ“ (*Платоновъ*, *Сочиненія* т. I, стр. 9). Авторъ дѣлаеть ссылки на сочиненія этихъ историковъ и такихъ краткихъ ссылокъ было бы вполне достаточно. Статьи Ключевского и Платонова хорошо извѣстны всѣмъ, занимающимся русской исторіей, и вполне доступны

въ новыхъ изданіяхъ. Курсъ же Ключевского рекомендуется въ качествѣ учебнаго пособія. Утолщать объемъ сочиненія цѣлыми страницами выписокъ изъ общезвѣстныхъ трудовъ не было никакой надобности. Степени кандидата авторъ все же заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Во введеніи къ своему сочиненію г. Миртовъ намѣчаетъ планъ его и даетъ краткое обзорѣніе литературы предмета и источниковъ. Такъ какъ Земскій Соборъ 1613 г. и избраніе на царство Михаила Федоровича Романова были результатомъ національнаго движенія, вызваннаго бѣдствіями смутнаго времени, то авторъ предпосылаетъ изслѣдованію главнаго вопроса изложеніе свѣдѣній о причинахъ смуты и ея исторіи и о возникновеніи и развитіи національнаго движенія, чему и посвящаетъ первую часть своей работы (стр. 23—127). Нельзя, конечно, ничего возразить противъ необходимости этой вступительной части изслѣдованія, но нельзя также не отмѣтить и того, что, при всей сжатости изложенія, она растянута сверхъ мѣры, такъ какъ по своему объему равняется главной части.

Работа г. Миртова въ общемъ вполне удовлетворительна. Она основывается на знакомствѣ съ источниками и хорошо изученіи литературы предмета, къ которой авторъ проявляетъ самостоятельное отношеніе, внося тамъ и здѣсь свои поправки. Всѣ существенные вопросы въ сочиненіи затронуты и на нихъ данъ опредѣленный и точный отвѣтъ. Изложеніе ясное и сжатое, вслѣдствіе этого сочиненіе выигрываетъ въ содержательности и читается съ интересомъ.

Степени кандидата богословія авторъ вполне достоинъ“.

32) О сочиненіи студента *Николевскаго Николая* на тему: „Русская церковь въ Смутное время“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Исторія Смутнаго времени въ настоящее время прекрасно разработана со стороны источниковъ и богата научной литературой. Между тѣмъ роль церкви въ эту тяжелую пору въ жизни нашего отечества описана лишь въ двухъ трудахъ: въ X т. Исторіи преосвящ. Макарія и въ книгѣ свящ. Ива-

нова „Церковь въ эпоху Смутнаго времени на Руси“. Но трудъ преосв. Макарія значительно устарѣлъ, а книга свящ. Иванова не отличается самостоятельностью. Поэтому обширная работа г. Никольскаго (XII—1889) является какъ нельзя болѣе кстати для выясненія поставленнаго вопроса. Дѣлится она на три части: I—церковь во время царствованія Годуновыхъ и Лжедмитрія или въ династическій періодъ Смуты, II—во время царствованія Шуйскаго или въ социальный періодъ Смуты, III—во время междоцарствія или въ національный періодъ Смуты. Въ первый періодъ приняли то или иное участіе въ Смутѣ лишь духовенство высшее и потомъ московское; во второй въ нее втянулось и рядовое провинціальное духовенство и раздѣлилось: часть стала за самозванцевъ, другая осталась на сторонѣ законной власти; въ третій періодъ церковь стала во главѣ государства на защиту отечества и во имя вѣры объединила весь народъ, который, поднявшись, спасъ Россію и церковь. Каждая изъ этихъ трехъ частей распадается на двѣ-на три главы, въ которыхъ авторъ очень подробно, часто словами своихъ источниковъ излагаетъ отношеніе церкви (іерархіи, бѣлаго духовенства и монастырей) къ Смутѣ. Онъ не принимаетъ безъ критики и на вѣру ни одного извѣстія, сопоставляетъ разнорѣчающія показанія, чтобы выбрать болѣе надежное изъ нихъ, удѣляетъ много мѣста критикѣ. Это, конечно, увеличивало размѣръ сочиненія, сдѣлало его довольно громоздкимъ, но сообщило ему научную цѣнность и убѣдительность. Живо очерчены церковные дѣятели Смутнаго времени: патриархи Іовъ, Гермогенъ, Филаретъ и другія лица. Какъ похвальную черту работы г. Никольскаго слѣдуетъ указать еще его безпристрастіе: описывая участіе церкви въ спасеніи Россіи въ годы лихолѣтья, патриотическіе подвиги іерарховъ, заслуги монастырей, авторъ не проходитъ молчаніемъ и печальныхъ явленій, когда духовныя лица переходили на сторону самозванцевъ, становились противниками законной власти. Недостаткомъ сочиненія надо признать его необработанность съ вѣшной стороны и по мѣстамъ растянутасть въ изложеніи. Но недостатки эти съ излишкомъ искупаются указанными достоинствами работы и отчасти извиняются краткостью времени, которымъ располагалъ авторъ, при обширности своей темы.

Въ общемъ сочиненіе г. Никольскаго представляетъ собою весьма хорошую кандидатскую работу“.

б) И. д. доцента *Θ. М. Россейкина*:

„Обширное сочиненіе г. Никольскаго представляетъ собою серьезный трудъ, задуманный широко и исполненный основательно. Авторъ привлекъ обширный матеріаль вплоть до нѣкоторыхъ доступныхъ ему рукописей; хорошо его изучилъ и обстоятельно изложилъ. Онъ обследуетъ, не спѣша, каждую деталь и не уклоняется отъ сложныхъ сопоставленій источниковъ. При такомъ отношеніи къ дѣлу работа могла быть исполнена лишь при томъ большомъ трудолюбіи, которое проявлено авторомъ. Сочиненіе написано по стройной схемѣ, и манера г. Никольскаго дважды повторять свои положенія, сначала въ видѣ тезисовъ, подлежащихъ доказательству, а потомъ въ видѣ выводовъ изъ изслѣдованія, придаетъ этой схемѣ ясность и отчетливость. Пожалуй, не было только нужды повторять тезисы буквально въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ, такъ какъ подобный приѣмъ, немного напоминающій школьную математику, едва-ли идетъ къ исторической работѣ. Стараясь вообще базироваться на источникахъ, авторъ иногда пользуется и готовымъ научнымъ матеріаломъ; но онъ беретъ его изъ самыхъ авторитетныхъ рукъ. Такова его вводная глава, трактующая о политической исторіи смутнаго времени, которую авторъ не имѣлъ времени, да и едва-ли былъ обязанъ обрабатывать по источникамъ. Съ большой внимательностью написана глава объ осадѣ Троице-Сергіевой лавры. Шагъ за шагомъ прослѣжены всѣ моменты тяжелой, но славной години нашей обители, отмѣчены всѣ подвиги иноковъ и ратныхъ людей, всѣ труды и бѣдствія осажденныхъ. Но авторъ и здѣсь сумѣлъ остаться вѣрнымъ исторической правдѣ и не умолчалъ о темныхъ сторонахъ въ жизни „сидѣльцевъ“, о проявившихся среди нихъ ссорахъ, интригахъ и нравственной распущенности.—Несмотря на суховатость и нѣкоторую растянутость изложенія, сочиненіе читается съ интересомъ.— Работа г. Никольскаго даетъ ему безспорное право на получение степени кандидата богословія“.

в) О сочиненіи студента *Олесевица Сергія* на тему: „Гѣс-

нинскій женскій монастырь. (Его исторія и церковно-общественное значеніе)“.

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Приговоръ надъ своей работой даетъ самъ авторъ на страницѣ, 4-й Введенія и приговоръ вполнѣ, по нашему мнѣнію, вѣрный: „авторъ вполнѣ сознаетъ, говорится на этой страницѣ, что съ чисто исторической точки зрѣнія, какъ трудъ чисто историческій—его работа страдаетъ крупными недостатками“. Чѣмъ же авторъ старается извинить себя и на что надѣется, ожидая отъ рецензента снисходительнаго отношенія къ недостаткамъ его исторической работы? Это ясно изъ его собственныхъ словъ на той же 4-й стр. Введенія, гдѣ онъ прямо говоритъ, что задача его труда собственно состоитъ въ томъ, чтобы „изобразить монастырь (Лѣвнинскій) какъ новое явленіе и выяснитъ его значеніе“. Такимъ образомъ авторъ рѣшительно устраняетъ точку зрѣнія на свою работу, какъ на историческій трудъ. И однако при всемъ насиліи надъ собой авторъ не избѣжалъ и не могъ по существу дѣла избѣжать въ своей работѣ исторіи монастыря. Изображеніе Лѣвнинскаго монастыря, какъ явленія новаго, онъ перевелъ въ исторію монастыря съ начала его возникновенія и до нашихъ дней съ подробной біографіей основательницы этого монастыря, характеристикой ея христіанскаго міровоззрѣнія, съ подробнымъ изложеніемъ быта, жизни сестеръ и строя тѣхъ учреждений, кои собственно и составляютъ монастырь (см. гл. 1—4, 5). Выясненію-же значенія монастыря авторъ отводитъ въ своемъ сочиненіи всего 9 страницъ и ограничивается общими сужденіями (см. стр. 219—228).

Такимъ образомъ отказываясь отъ „историческаго характера“ своего труда, авторъ все-же даетъ исторію его, а задаваясь цѣлю выяснитъ его значеніе какъ явленія новаго, онъ уклоняется отъ этой цѣли и дѣлаетъ то, чего не хочетъ. Вотъ почему тотъ же самый приговоръ, который авторъ даетъ на 4 стр. Введенія о своемъ трудѣ какъ историческомъ, приложимъ къ этому труду, если смотрѣть на него и съ желательной для автора точки зрѣнія на задачу его труда. Правда на всемъ протяженіи своего труда, излагая вышнюю исторію монастыря, ростъ учреждений его, характе-

ризуя настроеніе и міровоззрѣніе основательницы монастыря, иг. Екатерины, авторъ съ особеннымъ усердіемъ подчеркиваетъ превосходство этого симпатичнаго учрежденія надъ старымъ традиціоннымъ въ христіанствѣ бытомъ монастырскимъ, видя въ самомъ возникновеніи Лѣснинскаго монастыря новое идеальное возрожденіе или лучше идеальную реформу отжившаго свой вѣкъ монашества. Болѣе того, мы сказали бы, что все сочиненіе автора и вся исторія Лѣснинскаго монастыря у него обращены въ средство и поводъ поносить и глумиться надъ современнымъ монашествомъ, какъ съ его бытовой, такъ и съ принципиальной стороны. И если-бы то, что говоритъ авторъ о монашествѣ, исказившемъ, по его словамъ, христіанство, вытекало изъ серьезной научной оцѣнки принциповъ монашества и аскетизма, а не изъ "полнаго невѣжества автора и совершеннаго богословскаго недомыслія, то его сочиненіе было бы пожалуй интересно и оригинально, но такъ какъ въ немъ проглядываетъ вездѣ только личный вкусъ автора и его нерасположеніе къ монашеству, то оно не имѣетъ никакой научной цѣнности и обнаруживаетъ только одинъ школьническій задоръ автора, тяготившагося обязательностью академическихъ богослуженій (стр. 177 соч.). Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это научно-объективный приемъ: говорить о полезности, высотѣ и высокомъ значеніи такого учрежденія, какъ Лѣснинскій монастырь, сводя къ этому какъ бы все воплощеніе христіанскаго идеала жизни и порицая все прочее, не похожее на этотъ монастырь. Авторъ такъ и дѣлаетъ, забывая, что широта и абсолютность христіанства требуетъ какъ разнообразія воплощенія его и проявленія въ личной жизни, такъ разнообразія и въ общественной организаціонности христіанской жизни; да этого же требуетъ и разнообразіе личностей человѣческихъ по ихъ укладу и духовнымъ дарованіямъ. Почему, если хороши организаціи въ родѣ Лѣснинскаго монастыря, то монашество никуда не годится. И то и другое имѣетъ свое мѣсто и значеніе, и тамъ и здѣсь можетъ быть хорошее и дурное. Авторъ не хочетъ признавать этого и ставитъ для всѣхъ людей одну мѣрку и одну форму Лѣснинскаго монастыря самой идеальной. Если онъ историкъ, то долженъ помнить исторію монашества и брать ее за 1½ тысячи лѣтъ, оцѣнивая это явленіе безпристрастно, равнымъ образомъ долженъ